Костёр

1
ЯНВАРЬ
1962

КОСТЁР

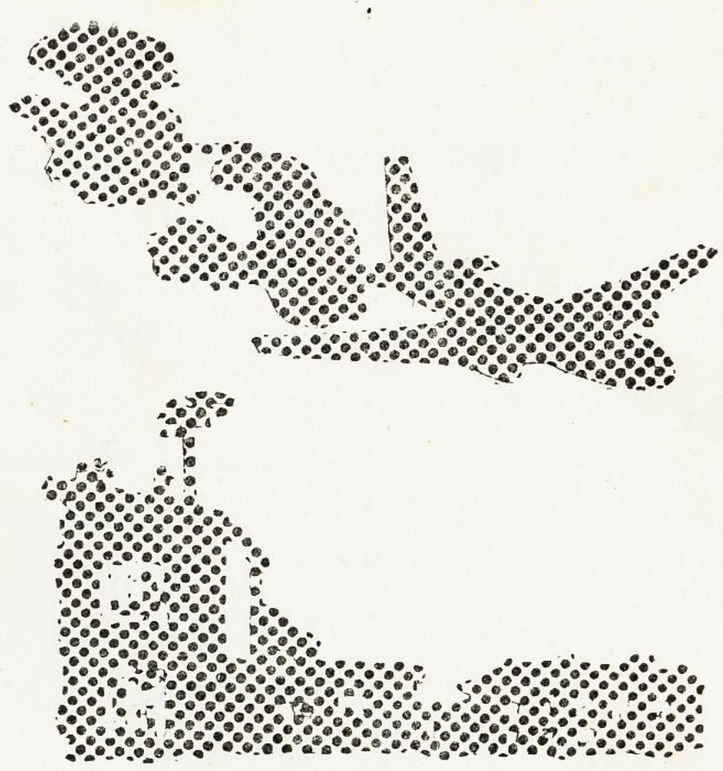
1
ЯНВАРЬ
1962

Ежемесячный
журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального
Совета
Всесоюзной
пионерской
организации
имени В. И. Ленина

Союза писателей
СССР

С НОВЫМ ГОДОМ!

ШЛИ МЫ, **БОРЬКА, Я И НЕВИДИМКА,**

ШЛИ — И ПРИШЛИ.

ТУТ ПОЮТ **ПЕСНЮ О ГЛОБУСЕ.** ТАМ РАССКАЗЫВАЮТ **ИСТОРИЮ ЗЕЛЕНЫХ БЕРЕТОВ.**

АЛЕША СТЕСНЯЕТСЯ, ГОВОРИТ: **„ХОЧУ СТАТЬ СИЛАЧОМ“. ТРИ ЛЕСНЫХ СТРЕЛКА** СЕЛИ В КРУЖОК И ЗАКУРИЛИ **ТРУБКУ КАПИТАНА ЖАНЕЛЯ.** А **ЧЕРНЫЕ НОЖКИ** ХВАТЬ **ПИОНЕРСКУЮ ЛЕТОПИСЬ** — И ПОБЕЖАЛИ-ПОБЕЖАЛИ К **БРАТЬЯМ С ДАЛЕКОЙ КУБЫ.**

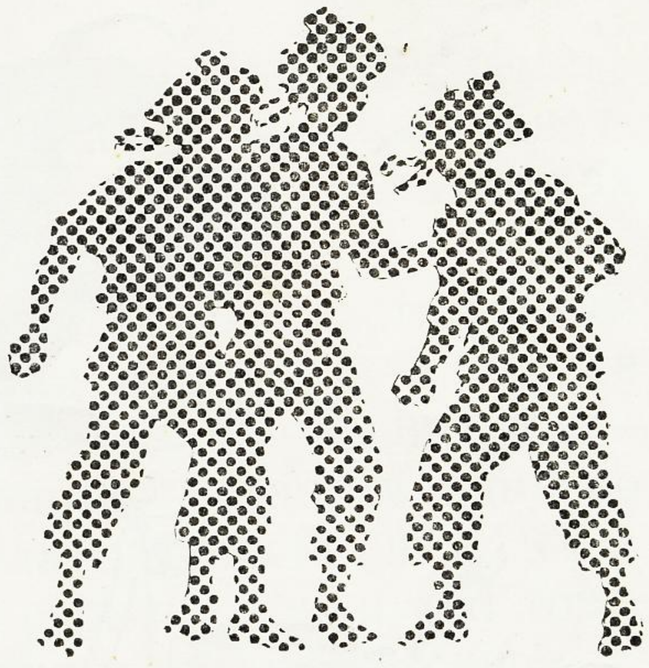
„ЧТО? ГДЕ? КОГДА? ПОЧЕМУ?“ —

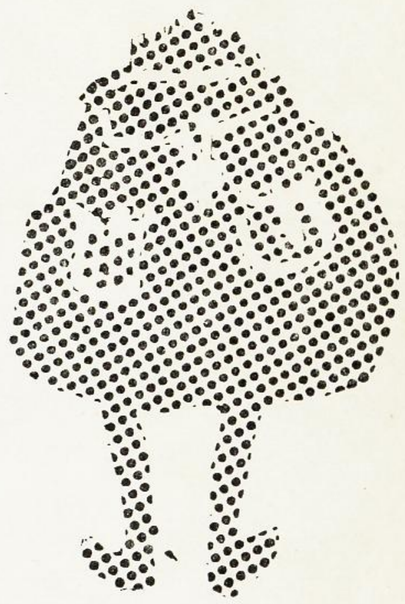
УДИВИЛИСЬ МЫ.

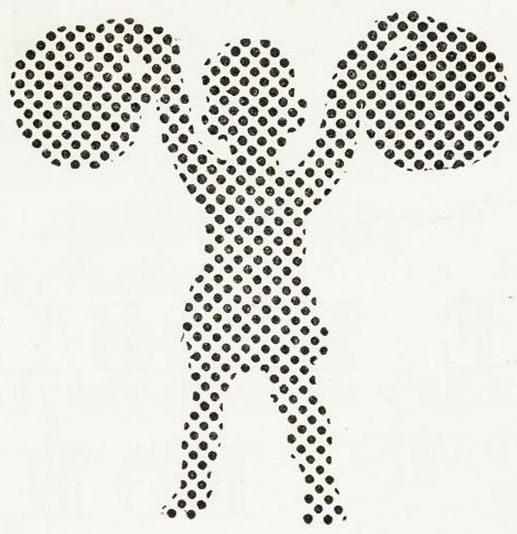
„ПОТОМУ ЧТО ИНТЕРЕСНО! — ЗАХОХОТАЛ **СКУКОМОР, — КЮК!“** — А В РУКАХ У НЕГО **РОГАТКА.**

ПОНЯЛИ ЧТО-НИБУДЬ?

ЧИТАЙТЕ ПЕРВЫЙ НОМЕР «КОСТРА»!

НЕ ПРАВДА ЛИ, ТЫ БУДЕШЬ КОММУНИСТОМ?

Юрий Яковлев *Рисунки Н. Кустова*

Горит правый мотор. Самолет теряет высоту. Он не слушается рулей. Теперь уже ясно: пламя не собьешь. И земля дает приказ небу:

— Катапультируйся!

Но почему в небе не появляется белого облачка парашюта? Почему небо не выполняет приказ земли? Может быть,

человек сломлен, и у него нет сил нажать кнопку? А ведь для того, чтобы спастись, ему достаточно нажать кнопку!

Нет, он жив, он не потерял сознание, и он слышит приказ земли. Но он не катапультируется, не спасает свою жизнь. Он продолжает бороться.

Он видит, что самолет падает на большой жилой дом. И он понимает, что если машина врежется в дом, погибнут десятки людей. И он пытается последними усилиями отвернуть машину. Ему, наконец, удается отвести раненую, горящую машину от дома. Но спастись сам он не успел...

Я думаю об этом подвиге, и мне на память приходят слова: человек человеку друг, товарищ и брат. Эти слова написаны в Программе нашей партии.

Я читаю строки «...каждый за всех, все за одного», и память переносит меня на Волгу в те дни, когда у подножья Жигулей сооружалась гидроэлектростанция имени Владимира Ильича Ленина.

Вспоминаю молодую крановщицу со строительства шлюза. Простую молодую женщину. В дни паводка — а это на стройке самое тяжелое время — из строя вышел один кран— заболел крановщик. Молодая крановщица осталась одна со своим краном. Что может успеть сделать один кран? И крановщица бежит домой и приводит на стройку мужа. Он тоже крановщик, работает на другом участке и только что вернулся домой со смены. И вот он пошел на шлюз и проработал всю ночь.

Я читаю строки Программы, и перед моими глазами проходит вся история моей Родины с октября 1917 года.

Я вижу усталое лицо наркома Цурюпы. Он — нарком продовольствия. В его руках весь паек голодающей республики. Он — хозяин хлеба и сала, муки и вяленой рыбы. И вот на докладе у Ленина нарком продовольствия вдруг теряет сознание и падает; подоспевший врач определяет болезнь: недоедание. Что, этот истощенный человек — чудак, граждане обыватели? Нет, это — коммунист! Это — боец; может быть, об этом человеке думали в Центральном Комитете, когда писали слова: «...высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов».

Я читаю слова Программы, и они звучат в моем сердце, как песня, как стихи. И мое сердце отзывается каждому слову.

Я читаю: «честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни». И снова я задумываюсь над тем, к кому больше всего относятся эти слова. С чьей жизни они писались? Может быть, этот человек еще не жил на земле? Может быть, это портрет будущего человека? Нет, я знаю этого человека. Я пронес его образ через всю жизнь. Имя его — Ленин.

Я знаю ленинскую «честность и прямоту». Они звучали в каждом его слове, они воплощены во всех его делах, в каждом дне его жизни.

Я вспоминаю квартиру Ленина в Смольном. Скромную обстановку. Простую солдатскую койку, на которой он спал. Это ленинская простота и скромность. Она — в его пожатии рук простому матросу, в его беседе с простым крестьянином. Она в каждом ударе щедрого ленинского сердца.

И если бы меня спросили: с кого писались строки Программы, я бы ответил — с целой армии коммунистов и прежде всего с Ленина.

Дорогой друг!

Я хочу провести тебя сквозь годы в ту пору, когда на земле билось сердце Ильича. Это были дни трудные, как буря, и звонкие, как песня. На обломках старого заваривалась новая жизнь. Под ногами валялись ржавые обломки двуглавого орла, а восходящее солнце играло на серпе и молоте, поднятых солдатами Октября.

Все было впереди — тракторы и Магнитка, голос радио и Днепрогэс, Братск и корабль «Восток». Все было так далеко впереди, что даже зоркому глазу трудно было рассмотреть очертание нашего Сегодня. Но Ленин умел смотреть сквозь годы. Он видел будущее, и это помогало ему жить, бороться, вдохновлять миллионы людей на жизнь и борьбу.

В те дни, куда я веду тебя, мой друг, в один из вечеров Ильич посадил на колени мальчика. Маленького мальчика с умными глазами. Ленин провел рукой по шелковистым волосам мальчика, посмотрел ему в глаза и задумался. Мальчик притих. Он не знал, о чем думает этот ласковый человек, которого так любили ребятишки. А Ленин думал о судьбе молодой Советской республики и о будущем мальчика, который сидел у него на коленях.

А потом Ильич спросил у мальчика:

— Не правда ли, ты будешь коммунистом?

Он спросил об этом одного мальчика, но ленинский вопрос был обращен ко всем сверстникам маленького счастливца, которого судьба свела с Лениным; этот вопрос не замер, не затерялся в годах. Прислушайся. Ты слышишь, как звучит ленинский голос? Это к тебе относится вопрос Ленина:

— Не правда ли, ты будешь коммунистом?

Что ты ответишь Ленину? Не торопись с ответом. Хорошенько подумай, прежде чем дать ответ на этот очень важный вопрос.

И, прежде чем ответить на ленинский вопрос, оглянись вокруг, присмотрись к людям, которые тебя окружают. Лучшие из них — коммунисты. Они водят корабли и растят хлеб, плавят руду и строят города. Разве важно, какую специаль-

ность избрали люди? Любая специальность хороша. Важно другое — стал ли человек настоящим коммунистом?

Коммунисты. Пусть люди, носящие на груди красную книжечку партбилета, будут твоим маяком. Присматривайся к ним внимательно. Учись у них. Они — коммунисты — живут сегодня, живут рядом с тобой. На твоей улице, в твоем доме. И не обязательно коммунист идет во главе колонны с красным знаменем в руках. Своими делами и поступками люди могут возвысить знамя, а могут и очернить его. Каждый настоящий коммунист своей жизнью поднимает знамя партии. Всмотрись в лица коммунистов, прислушайся, как бьются их сердца, пойми, в чем смысл их жизни. И тогда решай — будешь ли ты коммунистом?

Алёша стесняется

Э. Островская

Каждый из нашего дома
завидовал:
— Славный парнишка
Растет у Давыдова:
Он и гимнаст,
И товарищ хороший...
Нас без конца
Донимали Алешей.
Как-то Алеша
У школьного здания
Встретил парнишку
Из скверной компании,
С чубом по ветру,
В тельняшке матросской
И с недокуренной папироской.

Бедный Алеша.
Он сгорбился,
Сник,
Поднял без надобности
Воротник
Виды видавшей,
Но чистенькой шубы.
Сплюнул — весьма неумело —
Сквозь зубы...
Я поразился,
Я был огорошен:
Он — постеснялся
Остаться хорошим.

Рисунки ***К. Савкевич***

БРАТЬЯ С ДАЛЕКОЙ КУБЫ

М. Яхонтова *Фото Г. Сафонова*

Люди они, в основном, рабочие: два тракториста, бухгалтер, председатель сельского кооператива. Даже за месяц пути не сошли с рук мозоли. А одежда, как у солдат: оливковые комбинезоны, береты или алые пилотки, суровые высокие башмаки. На Кубе каждый считает себя солдатом революции, будь он рабочий, артист или школьник.

Самому старшему из делегатов, Педро, шестнадцать лет. Младшему, Луису — одиннадцать. Они отправились в поездку по всем социалистическим странам — посмотреть, как живут их ровесники. Среди них — сын вождя Кубы Фидель Кастро Диас и мальчик из школьного городка Камила Сьенфуэгоса Буанавентура, которого все видели в фильме «Пылающий остров».

Хорхе и Роландо кажутся младше своих тринадцати лет — маленькие, хрупкие на вид. Совсем дети. За время поездки им подарили столько значков, что на груди они уже не помещаются, приходится прикалывать к беретам.

Роландо как-то сказал:

— У нас на Кубе героями называют только погибших. А у вас не так?

— Да, мы признаем человека героем и при жизни.

— Значит, наш Хорхе тоже герой...

У родителей Хорхе Гутьерреса было тринадцать детей и такой ничтожный клочок земли, что его пришлось оставить: кроме хлопот он ничего не давал. Семья скиталась по дорогам и зарабатывала, чем придется. Старшие дети вырастали, шли в город и возвращались ни с чем: слишком много было там таких, безработных и неграмотных...

Бродя по стране, Хорхе видел роскошные особняки, тучные стада, не раз работал на плантациях сахарного тростника. Но почти всегда он засыпал под открытым небом, пил кипяток без сахара и даже не знал, какое на вкус молоко.

Хорхе было восемь лет, когда три его старших брата ушли в горы, к человеку, которого звали Фидель. Хорхе знал, что об этом нельзя говорить вслух, и понимал, что братья заняты чем-то опасным и важным. Ничего не сказав родителям, он удрал в горы. Напрасно партизаны пытались вернуть его домой — Хорхе был упрям:

— Боитесь, я стану обузой? Нет!

Скоро все убедились: Хорхе не был обузой. Он готовил обед, смотрел за лошадьми, чистил ружья. Потом его стали посылать в разведку. Маленький, быстрый, он был ловким и

**Бедный Хорхе!
Значки вешать уже некуда**

**От Ленинграда до Кубы
недалеко**

На „Авроре“, как дома

незаметным, как кошка. И однажды, раньше всех узнав о нападении подразделений Батисты, спас отряд от верной гибели.

Когда революция победила, семья Хорхе вошла в сельскохозяйственный кооператив. Тогда-то Хорхе и получил письмо — первое в жизни. И от кого! Сам Фидель Кастро писал Хорхе и предлагал поселиться вместе с ним, в его доме!

Там Хорхе и познакомился с Роландо, Луисом, Педро — с шестнадцатью мальчиками, жившими в доме Фиделя Кастро. Все они были детьми бедняков, все принимали участие в революции и у каждого в семье был герой — брат, отец или сестра.

Когда их собралось сорок человек, им отвели участок неподалеку от дома Фиделя Кастро — 60 гектаров. Там они живут самостоятельно и работают. Совсем без взрослых. Самый старший, Педро, стал председателем кооператива. Роландо — главный бухгалтер: у него удивительные способности к математике. А Хорхе — лучший тракторист кооператива. Он работает на большом советском тракторе «Беларусь», и работы у него много.

В Ленинграде Хорхе купил мандолину. Его спросили:

— Ты умеешь играть?

— Еще нет. Мой брат хорошо играл — тот, погибший...

Хотелось перевести разговор на другую тему:

— Хорхе, у тебя есть любимая книга?

— Нет еще. Я ведь только недавно начал учиться. Когда стану читать как следует, обязательно прочту «Гавроша».

— Почему именно «Гавроша»?

— Гаврошем называл меня командир нашего отряда. Он тоже погиб в горах.

...Самый младший член делегации, румяный, круглолицый Луис, отбивал склянки на «Авроре». Вот-вот должен прибыть президент Кубы Освальдо Дортикос. На крейсере готовились к поднятию флага Кубинской республики. Моряки посовещались и вдруг:

— Фидель! Поручаем тебе поднять знамя революционной Кубы на нашем корабле.

Матросы выстроились на палубе. Ребята стали рядом. Тоже строем. Заиграл марш, и руки поднялись в военном салюте.

Президент обрадовался не меньше самих ребят: он не знал, что они в Ленинграде. Освальдо Дортикос с уважением пожал делегатам руки и крепко расцеловал каждого:

— Приятно, что у нас такие боевые дети!

Во Дворце пионеров после серьезной беседы гости с удовольствием побежали в комнату отдыха: им хотелось просто поиграть со своими ровесниками.

— Хорошо, наверно, быть затейником, — сказал Фидель, уже спускаясь по мраморной лестнице.

— А кем хочешь быть ты?

— Инженером-механиком.

— А ты, Педро?

— Я больше всего люблю искусство. Я так поздно начал учиться, что сейчас стараюсь не терять ни минуты. А когда выберется свободный час, я рассматриваю в библиотеке книги о художниках. У вас в Эрмитаже я провел бы, наверно, год...

Бухгалтер Роландо хочет стать математиком, Луис и Хорхе — агрономами, Буэнавентура еще не определил своего будущего. Но у всех у них мирные цели: они не хотят воевать, они хотят строить!

Буэнавентуара, Фидель и Хорхе среди ленинградских ребят.

Старый авроровец Д. И. Ващук радуется: у революц хорошие наследники.

Целый месяц не работал Педро — соскучился! Станки в 157-й школе пришлись ему по душе.

Фото Б. Уткина

БОРЬКА, Я И НЕВИДИМКА

Повесть

Юрий Томин ***Рисунки В. Бескаравайного***

Дорогая редакция!

Один человек попросил меня написать про нашу школу и про наш класс. Вообще — про всё, только чтобы честно. Я и писал честно. Я написал про Борьку, про себя, про Лину Львовну, про Владимира Ивановича. Я сейчас даже не могу назвать, про что я написал, потому что получится очень длинно.

Мне этот человек сказал:

— Костя, а ты напиши.

Я спросил:

— А зачем?

Он говорит:

— А чтобы все прочитали.

Я спрашиваю:

— А зачем чтобы все?

Он говорит:

— А ты не спрашивай. Напиши. Ты, наверное, просто написать не можешь.

Я спрашиваю:

— А почему это — не могу?

Он говорит:

— Значит, напишешь?

Я спрашиваю:

— Почему это не напишу?

Просто у меня привычка такая — спрашивать. И я когда согласился написать, то написал честно. И про свои привычки — тоже. А потом он мне показывает, что там написано. Там все вперемежку. Там что я написал и еще дополнительно: кто-то тоже написал про наш класс и про меня. Мне даже смешно стало. Невидимка какой нашелся! Будто он все знает. Может, он напишет что хочет, а мне — отвечать? Вот он написал про шпионов. Будто все эти книжки зеленые. А они бывают и не зеленые, бывают коричневые. Вот! И даже синие.

Дорогая редакция! Если вы будете печатать, пусть все знают, что я не все писал. Тогда и мое письмо напечатайте. А то я не хочу, чтобы из-за всяких невидимок надо мной ребята смеялись.

Конст. Шмель

НА МАРС

В этой школе учился еще Петр Первый.

В длинных коридорах, притихших после звонка, шаги звучали особенно четко, по-солдатски. На лестничных площадках, выстланных кафельными звездами, каблуки цокали звонко, как подковы. Оглушительно кряхтел под ногами паркет.

В других школах люди ходят в тапочках, оставляя ботинки в раздевалке. А здесь — нет. Здесь все по-ненормальному: дубовый рассохшийся паркет, кафельные площадки, мраморные ступени, на которых визжит каждая попавшая под ногу песчинка, коридоры длиной метров по сто.

И уборная, где можно спрятаться до перемены, — на втором этаже, опять-таки в конце коридора.

Костя на цыпочках крадется вдоль стены. От одной ниши до другой: короткая перебежка и — стоп. Можно послушать, что делается в чужом классе.

За первой дверью ведут разговор два голоса: девичий — неуверенный, тихий, и мужской — раздраженный.

— Синус — это есть... это...

— Отношение.

— Отношение...

— Ну, катета.

— Катета...

— Какого катета?

— Катета... который...

«Пара» — безразлично подумал Костя и сделал еще одну перебежку.

За второй дверью, захлебываясь от нетерпения, отвечал урок какой-то отличник. Он так торопился получить свою пятерку, что не обращал внимания на запятые. Костя услышал, примерно, следующее: «Ещевдревности ученыезаметиличтостекляннаяпалочканатертая шелкомобладаетспособностьюпритягиватьмелкиепредметыипришликвыводу...»

Костя сделал рывок.

Третья, последняя ниша, третья дверь.

«Как хо-ро-ши майские ве-че-ра, когда... Написали? Ве-чера, когда...»

«Перед «когда» — запятая», — машинально отметил Костя и с удовольствием подумал о том, что там, в классе, кто-то этой запятой не поставил.

До угла коридора оставалось шагов двадцать. По пути была еще одна дверь, уже без ниши. Костя переступил с ноги на ногу и пошел. Теперь он шел медленно, как заговоренный, не отводя взгляда от этой двери с сине-белой табличкой — «Зав. учебной частью».

Паркет постанывал, верещал под ногами, и Костя, впившись глазами в сине-белую табличку, даже замедлил шаги. Все равно он был обречен. Костя хорошо знал свое «счастье».

— Шмель, ты почему разгуливаешь во время урока? — спросит Вера Аркадьевна.

— За мелом, — ответит Костя.

— Ах, за мелом... — скажет Вера Аркадьевна. — Так вот...

И Вера Аркадьевна уведет его в кабинет. Она будет говорить о том, что миллионы людей трудятся для того, чтобы Костя мог учиться. И о том, что она не знает, как быть с ним дальше. О том, наконец, что в его возрасте она готовила бы себя к полету на ракете, а он, способный, но лентяй, не хочет учиться.

Вера Аркадьевна была уверена в том, что все ученики, даже девочки, мечтают улететь на ракете.

И все это было правильно, все говорилось уже в сотый раз. И отвечать было нечего.

Говорят, что перед смертью человек за одну секунду вспоминает всю свою жизнь. Костя сделал три шага, и вспоминать было уже нечего. Все пронеслось перед глазами в одно мгновение.

— Шмель, так какой же корень у кукурузы?

Костя прекрасно знает, что мочковатый. У всех у них: у кукурузы, у ржи, у пшеницы мочковатые корни. И прямостоячие стебли. И линейные листья.

Мочковатый — это значит: как мочалка, как старый, растрепанный веник, как борода у козла, как щупальцы осьминога. Триста слов может сказать Костя про этот корень. Четыреста. Но среди них нет того, которое нужно. Он знает, и учитель ботаники знает, что он знает. И все ребята знают — второй урок ходят по рукам высохшие, ломкие стебли. А у Шмеля просто язык не поворачивается повторить это слово в десятый раз. И он говорит:

— Висюльками.

Ребята только этого и ждали. Они смеются. В руках учителя вздрагивает сухой кукурузный скелет.

— Шмель, будешь стоять за партой до конца урока. Пусть на тебя полюбуются твои товарищи.

— Но ведь правда же — висюльками, — говорит Костя уже серьезно, изумленный нечаянным открытием. Это ведь очень точно — висюльками.

Ребята опять смеются. Они знают Костю. Они уже привыкли и смеются раньше, чем Костя открывает рот. И, сами того не желая, они толкают Костю в пропасть.

— А теперь, Шмель, ты будешь стоять до конца урока у двери.

Костя идет к двери. Вика Данилова смотрит на него с ужасом, как на прокаженного. Урок продолжается. Половина класса смотрит на учителя, половина следит за Костей: что он будет делать?

И в самом деле, не стоять же так просто.

Костя слюнит палец и от глаза вниз по щеке проводит мокрую полосу. Это значит — у него текут слезы. Еще раз проводит — теперь он уже рыдает, даже вздрагивают плечи и морщится нос. Костя рыдает, а ребята хохочут. Им-то что? Это же все Костя.

— А теперь, Шмель, ты будешь стоять до конца урока за дверью, — говорит учительница, не оборачиваясь.

Костя выходит и слышит за спиной постепенно затихающий смех.

Но стоять у двери — безумие: может пройти завуч или даже директор. И Костя отправляется в далекий и трудный путь до уборной на втором этаже. Теперь он смотрит на дверь с сине-белой табличкой, и ему кажется, что какие-то звенящие нити тянутся от него к этой двери. Она обязательно откроется... Вот сейчас. Еще шаг... И она открылась.

— Шмель, ты почему гуляешь во время урока? — спросила Вера Аркадьевна.

— А я... за мелом.

— Зайди в кабинет.

Вера Аркадьевна села за стол, а Костя остался стоять посреди комнаты.

— Опять выгнали?

— Почему выгнали? — пробубнил Костя.

— Я не знаю, почему, это ты должен знать.

— А что, мне за мелом сходить нельзя? — вяло возразил Костя. Он понимал, что выкру-

чиваться бесполезно, и сейчас сопротивлялся просто по привычке.

— Сколько раз на этой неделе ты ходил за мелом?

Костя промолчал.

— Уже два раза ученик Шмель ходил за мелом. Это — третий. Верно?

Ученик Шмель молчал. Да и что сказать? Такое уж Костино «счастье». В третий раз на этой неделе выгоняют его из класса, и ни разу не удалось добраться до уборной. Сначала встретилась Елизавета Максимовна, потом Лина Львовна и вот теперь — завуч.

— Я уже не знаю, Шмель, что с тобой делать. Ну, скажи сам — что?

Костя молчал, тоскливо глядя на картину, висящую за спиной Веры Аркадьевны. Мальчик в белой рубашке с пионерским галстуком, подбоченясь, трубил в горн. При этом он улыбался. Картина называлась «Горнист», хотя и без того было ясно, что это не водолаз или кто-нибудь там еще.

Костя молчал и чувствовал, что в нем просыпается ненависть к Петру Первому, ради которого выстроили эту школу с длинными скрипучими коридорами. Именно из-за него, царя дурацкого, стоит Костя перед столом и не знает, что ответить на вопрос Веры Аркадьевны. А если и ответит, то ему зададут новый, и если он в конце концов раскается, то будут опять вопросы, чтобы проверить, действительно ли он раскаивается, или все это просто так.

— Ты ведь способный мальчик, Шмель, ты можешь учиться отлично, если захочешь, — сказала Вера Аркадьевна. — Тебе все дано: тысячи людей работают, чтобы ты мог учиться. А ты... Какой у вас сейчас урок?

— Ботаника.

— Вот видишь. Разве без знания ботаники можно стать хорошим агрономом или садоводом? А вдруг ты и сам станешь учителем ботаники?

— Я?! — На лице Кости такое отвращение, что Вера Аркадьевна начинает сердиться.

— Да, да, ты. Эта профессия ничуть не хуже других. Тебе уже надо подумать о своей будущей профессии. Ты ведь не маленький. Еще год-два-три... Время летит быстро. И я думаю... — морщинистое лицо Веры Аркадьевны добреет, и смотрит она уже не на Костю, а как бы сквозь него. — Я думаю, что где-то уже строится ракета, на которой полетят в космос твои ровесники. Может быть, кто-нибудь из твоего класса. А может быть, и ты, а? Но нет, — Вера Аркадьевна с сожалением покачивает головой. — Тебя не возьмут на ракету. Полетят люди дисциплинированные и

прежде всего обладающие прочными знаниями. Кстати, и знающие ботанику тоже.

Костя уныло смотрит на горниста. Ботаника, ракета... и опять ботаника. Костя не хочет быть учителем ботаники. Он сам не знает, чего хочет. Просто еще не думал об этом. Вот если бы вдруг ожил и затрубил горнист на картине, было бы здорово. Вера Аркадьевна упадет в обморок и все забудет.

— Неужели тебе не хотелось бы слетать на Марс? — И Вера Аркадьевна смотрит на Костю так, словно пропуск на Марс у нее в кармане.

Горнист на картине оживает. Его розовое лицо и галстук наливаются светом. Он чуть шевельнул головой. «На Марс! — трубит он. — На Марс!»

Костя широко открывает глаза. Снится, что ли? Да нет, просто солнце вышло из-за облака и осветило картину.

— На Марс, Шмель, на Марс, а? — повторяет Вера Аркадьевна. И тут Костю вдруг осеняет. Язык его приходит в движение и начинает складывать ложь, вдохновенную, как поэма.

— А знаете, Вера Аркадьевна, — говорит он, — мне один раз снилось. Я лечу... и кругом одни звезды! Я даже одеяло сбросил. Честное слово!

И Вера Аркадьевна верит. Она уже сорок лет работает в школе. Тысячи таких, как Костя, прошли через ее руки, и еще тысячи — лучше. И еще тысячи — хуже. Но по-прежнему ей всегда легче поверить хорошему, чем плохому.

— Вот видишь, Костя, — говорит она, — ты ведь все понимаешь. Иди извинись перед учителем. Иди и обещай, что это — последний раз.

Не столько в словах ее, сколько в голосе — доброта и мудрость старой женщины, которую через год-два ожидает пенсия, а может быть — смерть.

А Костя, собачий сын Костя Шмель, если не умом, то чутьем понимает это. Он опускает глаза, будто ему и в самом деле стыдно. Он переступает с ноги на ногу и чуть наклоняет голову, будто и вправду чувствует себя неловко.

— Я обещаю, Вера Аркадьевна. — Он степенно идет к двери, оборачивается. — Спасибо, Вера Аркадьевна, — произносит Костя, вроде бы и некстати, а на самом деле так кстати, что Вера Аркадьевна только машет рукой и уже больше ничего не говорит.

Дверь открывается и закрывается.

Сине-белая табличка остается за спиной.

Звенит звонок.

Костя идет по скрипучему коридору, лихо печатая шаг. На лестнице он ложится животом на перила и мчится вниз, грохоча ботинками по мраморным ступеням.

Он вбегает в буфет, где уже выстроилась ребячья очередь.

— Алё! Вы на Марс? — орет он. — Кто последний — я первый! Вчера занимал! — и с разбегу вклинивается в очередь.

ПРО АНТЕННУ

Сегодня после уроков в класс прибежал Владик — наш вожатый из восьмого «г». Он спортсмен и очень подвижный. Даже когда он стоит, то кажется, что все равно бегает. Вообще-то он — ничего, потому что никому не дает никаких поручений. Заглянет в дверь, спросит:

— Ну, как дела?

Ему отвечают:

— Так себе.

— Хорошо!

— Плохо!

А Владик скажет:

— Ну, и молодцы! Жми дальше! — И опять убежит.

Но сегодня Владик убежал не сразу. Мы уже расходились, но Владик загородил дверь и сказал, чтобы мы остались.

Я спросил:

— А зачем?

— А затем, что вы не ведете никакой работы, и мне из-за вас влетело.

— А зачем вести работу?

— Потому что вы пионеры.

— А зачем мы пионеры?

— Ты что, ненормальный? — сказал Владик.

А я снова сказал:

— Зачем ненормальный?

Я уж знаю: если все время задавать один и тот же вопрос, то можно разозлить любого человека. Вообще-то Владик — ничего, но мне просто интересно, что я могу разозлить кого хочу.

Владик, конечно, разозлился.

— Тебя, Шмель, — сказал он, — сегодня опять выгнали из класса, можешь и сейчас уходить.

— Могу? — спросил я.

— Можешь.

— А остаться могу?

— Как хочешь.

— А уйти тоже могу? — снова спросил я.

Тут Владик покраснел. Он сжал кулаки. И ребята перестали смеяться. Ну, и я замолчал.

— Так значит, ребята, — сказал Владик, — нужно чего-нибудь придумать. А то у вас пионерская работа отстает. Я, как вожатый, за вас отвечаю, а у меня и без вас дел хватает. Давайте думать быстрее.

Ребята помолчали, помолчали, потом Алик Летицкий предложил:

— Давайте бумагу собирать.

— Нет, лучше железо, — сказал Мишка Летицкий.

Алик и Мишка близнецы. Им надоело, что их все время путают, они просто ненавидят, что похожи друг на друга, и поэтому они всегда спорят, даже в школу ходят по разным улицам.

Владик обрадовался.

— Очень хорошо. Давайте — бумагу. Знаете, сколько из нее тетрадей можно сделать?

— Лучше железо. Бумагу уже собирали, — возразил Мишка.

— Железо тоже хорошо, — согласился Владик. — Стране очень нужно железо. Вот... А у меня сегодня соревнование. Давайте решать быстрее. Все равно собирать чего-нибудь нужно.

— А ты лучше помолчи, — повернулся Мишка к Алику. — Железо тоже собирали.

— Не стоит спорить, ребята, — сказал Владик. Он все время бегал вдоль доски и поглядывал на часы. — Какая разница, чего собирать? Пускай половина собирает бумагу, половина — железо. А потом подведем итоги. Договорились?

Я сидел и думал: ничего мы не договорились. Мне-то все равно: хоть железо, хоть бумагу, хоть Исаакиевский собор. Конечно, потом ребята будут говорить, что я не активный. А учителя говорят, что я даже слишком активный. Тут не разберешь. Если все пойдут — и я пойду. А не пойдут — и я не пойду. Или можно еще так: все пойдут, а я — нет. Или так: все — нет, а я пойду.

В общем, пока я думал, встал Борька Таланов:

— Знаешь, Владик, — сказал Борька, — а может лучше сделать антенну?

— Какую антенну?

— Такую... Телевизионную, направленную. Чтобы можно было принимать разные города. Москву, например, или Киев...

— И Африку? — спросила Вика Данилова.

— Африку — не знаю. А Лондон или Париж — может быть. Я читал, что даже на обыкновенной принимают. Случайно. Только антенна должна быть специальная... — начал было Борька, но Владик его перебил:

— Вот и хорошо, Боря. Здорово придумал. Насчет Парижа вы тут сами разберетесь. А я побегу. Только вы мне потом покажите, когда сделаете. Ладно? — И Владик убежал.

Ребята обступили Борьку:

— А как ее сделать?

— А где ее поставить?

Они спрашивали, а Борька рассказывал, что антенна должна быть в несколько рядов. Большой высоты. Вращающаяся. И чтоб моторчиком можно было управлять из комнаты...

Все думают, что мы с Борькой друзья. А я не знаю — друзья или нет. Мы с Борькой никогда не ссоримся надолго. Я не могу долго

сердиться, а Борька не любит драться. Я тоже не люблю драться, но зато могу разозлить кого угодно. А Борька не любит злиться. Вот я и не знаю — друзья мы или нет. По крайней мере, целоваться я с ним не буду, хоть он и живет на моей лестнице и все время строит какие-то приемники. Даже, наоборот, мне стало обидно, что он раньше ничего не говорил про антенну. Я протиснулся к Борьке и сказал:

— Борька, ты все знаешь, да? И про антенну. И еще, может быть, про снежного человека... Или про Марс... А когда на балконе ходят, знаешь?

Борька засмеялся.

— Когда ходят, тогда и ходят. Отвяжись, Костя.

— Нет, ты ответь.

— *На бал кони никогда не ходят,* — сказал Борька и принялся дорисовывать свою антенну.

А Вика Данилова посмотрела на меня, как на чучело, и сказала:

— Старо. Это еще из второго класса. Ты, Шмель, придумай чего-нибудь поумнее.

— Могу и умнее, — ответил я. — Ты дура и староста — вот тебе и поумнее.

— А ты хулиган.

Ребята захохотали. Они уже не глядели на Борькину бумажку, а глядели на меня и ждали, что я отвечу.

Я сказал:

— Африканская принцесса.

А Вика мне:

— Шмель несчастный.

А я Вике:

— Почему несчастный?

— Потому что клоун.

— А почему клоун?

— Потому что потому.

— А почему потому что потому?

Чем больше я спрашивал, тем громче хохотали ребята, и сильнее злилась Вика. И все забыли про Борьку и про его парижскую антенну. А Вика стояла красная, как кисель, и не знала, что отвечать. А я все спрашивал. Но когда я снова взглянул на Борькину парту, то его уже не было в классе.

А Вика побежала за ним.

СНЕГ ИДЕТ...

С утра падал снег — легкий, чистый. В белые береты оделись фонари. На пиках чугунных решеток выросли белые наконечники. Снег падал на мостовые, на тротуары. Дворники, воюя с зимой, безжалостно сгребали его в люки, и это было даже обидно, потому что от снега город становился светлее и лучше, а прохожие — добрее.

Только крылатые львы на мосту через канал стали еще угрюмее. Им было холодно под снежными попонами. Но они не смели поше-

вельнуться, они сжимали зубами цепи, на которых держался мост.

У конца моста Бориса догнала Вика.

— Ты почему ушел? — спросила она.

— Я не ушел.

— А кто же ушел? — засмеялась Вика.

— Да я просто так. Я и сам антенну сделаю. Не хотите — и не надо.

— Вот как раз все и хотели, — сказала Вика. — А твой Костя... Я его ненавижу. Лучше бы его совсем не было.

— Ничего он не мой.

— Нет, твой.

Вика нахмурилась, вспоминая только что пережитую обиду. Борька взглянул ей в лицо и тоже нахмурился. Он не слишком сердился на Костю. Он вообще не любил сердиться.

— Что ты, Костю не знаешь? — сказал он. — Он всегда такой.

— А я не хочу, — сказала Вика.

— Чего? — спросил Борька.

— Ничего.

Они замолчали. Вика сняла варежку и стала постукивать ею по перилам, сбивая снег в воду. И Борька тоже сбивал снег, только голой рукой, и старался придумать что-нибудь такое, от чего им обоим стало бы вдруг весело.

— Очень много уроков задали, — сказал наконец Борька.

— Ага, — отозвалась Вика.

Еще несколько хлопьев упало в воду.

— А давай пойдем вместе уроки делать? — вдруг сказала Вика. — Пойдешь к нам?

Борька провел рукой по перилам и сгреб снег метра на полтора.

— Пойду, — решительно сказал он и торопливо добавил: — А, может, пойти к нам? Хочешь?

— Сегодня — у меня, завтра — у тебя, — весело подхватила Вика. — Ладно?

— Ладно, завтра — у меня, — храбро сказал Борька.

— А твоя мама не будет беспокоиться?

— Обо мне вообще никогда не беспокоятся, — отрубил Борька.

И они ушли. На перилах остались следы их рук. Но ни один следопыт не узнает по ним, что произошло сегодня на этом мосту. Тем более, что снег все идет и идет, и, прежде чем зажгут фонари, все опять станет как было.

ПРО ЛИНУ ЛЬВОВНУ

Сегодня я пришел в школу на целый час раньше. До этого я, наверное, еще час стоял у «Гастронома» и смотрел, как одна пенсионерка кормила голубей семечками. Правда, может быть, она и не пенсионерка, это уж я точно не знаю. Но мне не понравилось, как она их кормила. Я бы взял все семечки и высыпал на мостовую. А она насыпала понемножку на ладонь и потряхивала, чтобы голуби садились к ней на руку. Один, самый нахальный, садился и клевал. А у ее ног была еще целая куча голубей, но им ничего не досталось.

Она стояла согнувшись, вытянув руку, и говорила: «Кушай, кушай» и называла голубя «мой ласковый», хотя он был не ласковый, а просто нахальный.

И вообще она так старалась, словно это был не голубь, а ее внук или кто-нибудь там еще.

Я зашел в магазин, купил кедровых орехов на всю пятерку и высыпал их на тротуар. Все голуби перелетели ко мне, а тот, ласковый, — самый первый. Пенсионерка обиделась и сказала, что я бездельник. И мне было очень приятно. Мне нравится, когда меня ругают люди, которые мне не нравятся.

Вот когда меня ругает Елизавета Максимовна, наша классная, мне как будто даже щекотно. Потому что она мне не нравится.

Если Вика Данилова — мне всегда смешно. Я ее терпеть не могу. Она — староста.

Только когда ругают папа и мама, выходит как-то непонятно. Я их люблю, но все их слова уже наизусть выучил. Поэтому получается не смешно и не обидно.

А если бы меня выругал какой-нибудь фашист, я бы, наверное, на небо залез от радости.

Почему мне не понравилась пенсионерка, это уж я не знаю. Но из-за нее я истратил последнюю пятерку. А Зинаида больше денег не даст до конца недели. Она и сегодня дала просто, чтобы отвязаться. С утра она не пошла в институт, потому что не успела приготовить чертеж. Она приколола к столу большой лист бумаги и принялась чертить. Когда она чертит, к ней лучше не подходить — дрожит над своими чертежами, будто они из золота.

Я ходил, ходил по комнате и завел «Бамбино». Это моя любимая пластинка. Проиграл раз десять. Потом — на другой стороне. Там похуже, но тоже ничего. Потом опять поставил «Бамбино». Зинаида мне говорит:

— Костя, тебе не надоело?

— А тебе?

— Мне надоело.

— А мне нет.

— Мне мешает.

— Почему мешает? — спросил я. — Ты же чертишь, а не поешь.

— Я тебе сейчас объясню, — говорит Зинаида. — Подойди поближе.

Я, конечно, не подошел. Но «Бамбино» поставил еще раз и говорю:

— Попробуй тронь. Я тебе весь чертеж тушью залью, и тебя из института выгонят.

Это очень просто: если хочешь разозлить человека, нужно отвечать совсем не то, что он спрашивает. Например, тебе говорят: «Ножик есть?». А ты отвечаешь: «Спасибо, я уже пообедал». Или: «Куда идешь?». А ты: «Ага, у кита хвост большой».

Зинаида увидела, что от меня не отделаться (от меня вообще никто отделаться не может,

Зинаида подняла голову, посмотрела на потому что у меня богатое воображение), и меня сквозь очки.

— До чего же ты вредный, Костя! Неужели ты сам не видишь, какой вредный?

Я говорю:

— У меня очков нет — вот и не вижу. Дай твои поносить.

В это время пластинка кончилась, и я завел ее снова.

— Ты пользуешься тем, что мама в отъезде, — говорит Зинаида. — И еще ты пользуешься тем, что тебя бить жалко, потому что ты маленький.

А я отвечаю:

— Это мне тебя жалко.

— Неужели у тебя совсем совести нет? — говорит Зинаида. — Вот хоть настолько? — и показывает ноготь.

А я отвечаю:

— В лесу родилась елочка.

говорит:

— Ладно, я тебе три рубля дам. Сходи в кино.

— Дай пять — тогда пойду.

— Вымогатель, — говорит Зинаида.

И тут вдруг я обиделся. У меня всегда так: все ничего, ничего, а потом что-то соскочит, и я обижаюсь. Наверное, я все-таки гордый.

— Раз так, говорю, раз вымогатель, то я бесплатно уйду.

Снял «Бамбино», выключил приемник, надел пальто и пошел к двери. Зинаиду сразу совесть заела. Идет сзади и сует мне пятерку.

— Возьми, не ломайся!

Но я с ней даже разговаривать не стал. Захлопнул дверь и спускаюсь по лестнице. Прошел третий этаж. Иду, и мне приятно, что я такой принципиальный.

На втором этаже постоял немного.

На первом — тоже ничего.

Но только на улицу вышел — до того мне в кино захотелось... Даже в горле зачесалось. Пошарил в карманах — тридцать две копейки. Что же мне перед Зинаидой унижаться? Этого еще не хватало. Просто взял и позвонил из автомата, тут же, в парадной.

— Ладно, — говорю, — брось пятерку в форточку. И учти — это в долг. Пока мама приедет.

Зинаида свернула пятерку и выбросила в форточку. А я ее поймал одной рукой, левой.

Но в кино я так и не пошел, потому что встретил эту пенсионерку. И пришлось мне идти в школу на целый час раньше. Знал бы — на улицу не выходил, потому что этот час получился не очень веселый.

Сначала я заглянул в пионерскую комнату. Там была только Лина Львовна — наша старшая пионервожатая. Я просунул голову в дверь и жду, пока она заметит. Терпеть не могу лезть, если меня не зовут. А зайти мне очень хотелось. Лина Львовна нравится мне больше всех, потому что она красивая. Даже красивее тех пионервожатых, которые в кино. Там ведь их специально гримируют, а здесь — настоящая. У нее все красивое: и кофточка, и лакированный поясок, и маленькие золотые часы. Мне-то, конечно, на все это чихать, а вот ребята из девятого класса ходят вокруг нее и подмигивают друг другу, как ненормальные.

Лина Львовна меня сразу заметила.

— Костя, заходи.

— А зачем заходить? — говорю я. — Разве обязательно?

— Обязательно. Я как раз про ваш класс думала.

— Про наш, Лина Львовна, ничего хорошего не придумаешь. Мы неорганизованные. Работы не ведем... И вообще мы хуже всех. А еще хуже всех — я.

Лина Львовна засмеялась.

— Ладно, Костя, не кокетничай. Вот ты говоришь про себя — хуже всех. А сам, наверное, думаешь — лучше всех. Верно?

Я говорю:

— Лина Львовна, но ведь вы тоже про себя не думаете, что вы хуже всех.

— Нет, конечно.

— Тогда почему мне нельзя так думать?

— Но ты говоришь.

— А разве на самом деле я хуже всех?

— Нет, конечно.

— Значит, я правильно думаю, что лучше всех?

— Кого всех?

— Кто хуже меня. Ведь если, Лина Львовна, взять кого-нибудь лучше всех, то все остальные будут хуже. А если взять кого-нибудь хуже всех, то все остальные будут лучше. Получается, что все лучше кого-то и все хуже кого-то. А лучше всех быть нельзя потому, что тогда нужно быть лучше самого себя. И хуже всех быть нельзя по той же причине. Вот и получается, Лина Львовна...

Я еще долго рассказывал Лине Львовне про лучше и хуже. Это я не сам придумал, а прочитал в одной книжке. Но Лина Львовна не знала, что я не сам придумал. Она смотрела на меня, и от смеха у нее дрожали губы. А мне нравилось, что ей хочется смеяться, хоть она и сдерживалась изо всех сил. Ведь она — старшая пионервожатая и должна нас воспитывать. Мне нравится, когда побольше смеются и поменьше воспитывают.

Наконец, Лина Львовна не выдержала и засмеялась громко.

И тут открылась дверь, и вошла Елизавета Максимовна.

Лина Львовна сразу перестала смеяться.

А я замолчал.

— Как у вас здесь весело, — сказала Елизавета Максимовна.

Лина Львовна вскочила с места и подвинула стул.

— Садитесь, Елизавета Максимовна. Это мы так... вспомнили... — сказала она, поправляя свой поясок. — Вы знаете, Елизавета Максимовна, Райкина вспомнили.

— Талантливый актер, — сказала Елизавета Максимовна. — Очень талантливый.

Мне всегда казалось, что Лина Львовна немножко боится нашей классной. Наверное, от страха она и придумала про Райкина. Ведь Лина Львовна кончила десятый класс в позапрошлом году. Она тоже училась у Елизаветы Максимовны. А потом она прошла какие-то курсы и осталась в школе вожатой. Только мне было непонятно: без Райкина смеяться нельзя, что ли?

— Мы только что собирались поговорить с Костей о вашем классе, — сказала Лина Львовна, — о том, как наладить работу.

— Почему именно с ним? — спросила Елизавета Максимовна.

— Просто он сам зашел.

— Это самый разболтанный ученик в классе, — нахмурилась Елизавета Максимовна. — Ведь так, Шмель?

Я промолчал. Не хватало еще самого себя ругать.

— Отвечай, когда тебя спрашивают старшие!

— Ладно, так...

— Ах, вот как! — сказала Елизавета Максимовна. — Значит ты сам понимаешь, что

твое поведение невыносимо. Почему же ты не задумаешься над этим?

Я молчал.

— Ты сознаешь, что дезорганизуешь весь класс?

Я снова промолчал. Я стоял и думал про книгу «Тиль Уленшпигель». Там монахи хватали кого-нибудь невиноватого и пытали горячей водой до тех пор, пока он не сознается, что он колдун. Или — на костре. Тут любой сознается...

— Отвечай, Шмель!

Я знал, что она не успокоится, пока не отвечу. И я сказал, чтобы ответить:

— Сознаю.

— Почему же ты не задумаешься над этим?

— Я задумывался.

— Ну, и что?

Я молчал. Чего тут отвечать? Я снова думал об Уленшпигеле. Там, если человек не сознается, что он колдун, его замучают до смерти. А если сознается, то сожгут за то, что колдун. Какая же разница? И я решил молчать. Только мне жалко было Лину Львовну.

Она открыла альбом и уже, наверное, десять минут смотрела на одну фотографию.

— Так что же, Шмель?

Я молчал.

— Ты будешь отвечать?

А я молчал.

— Да-а... — сказала Елизавета Максимовна. — И это — сын полярника...

И тут мне так захотелось ответить, что даже мурашки по спине забегали. Но я промолчал. Только руки из карманов вынул.

— Да-да, — обрадовалась Елизавета Максимовна. — Сын полярника. Героя. Отважного человека. На него смотрит весь мир. А кто смотрит на тебя, Константин Шмель? Что ты сделал полезного? Отец дрейфует на льдине, терпит лишения и голод, а сын...

Больше выдержать я не мог. *Мой* отец плавает на СП, а не она! Он *мой* отец, а не ее!

— Никаких лишений у них нет, — сказал я. — Им на самолетах цветы возят и шоколад. И даже елки к Новому году. И льдина у них толстая, как... как дом. Они получше всех живут!

Я говорил и уже никак не мог остановиться. Расписывал, какая у них прекрасная жизнь. Что они просто объедаются шоколадом и задыхаются от жары в своих домиках. Я говорил на зло. И я, и мама, и Зинка читали в газетах, что у них два раза лопалась льдина, и они в пургу перетаскивали палатки на другое место. Папа писал веселые письма. Но и я, и мама, и Зинка понимали, что он пишет неправду, чтобы мы не волновались. И я волновался за *своего* отца. И пускай она за *моего* отца не волнуется.

— Достаточно, Шмель, — сказала Елизавета Максимовна. — Больше говорить не о чем. Приедет мать, мы пригласим ее на педсовет. Или... или вот что. Лучше мы пошлем твоему отцу радиограмму прямо на льдину.

— Вы не имеете права! — крикнул я.

— Мои права — не твоя забота. Иди и закрой плотнее дверь. Мне нужно поговорить с Линой Львовной.

Я посмотрел на Лину Львовну. Она сидела и рассматривала ту же фотокарточку. Она была вся красная, но на меня не смотрела.

Я повернулся и ушел из пионерской комнаты. А мог бы не уходить, потому что пионерская комната — наша комната. Она для ребят. Никто не имеет права отсюда меня выгонять. Но я обиделся на Лину Львовну за то, что она все время молчала. Она струсила. Я больше с ней разговаривать не хочу. И я на все это хотел чихать с самолета.

ПРО СОБРАНИЕ

На это собрание я бы за тысячу рублей не пошел, если бы не боялся, что Елизавета Максимовна пошлет телеграмму на льдину. Интересно, почему так получается: не хочешь идти, а все равно идешь? Я ведь знал, что будут ругать. Меня на каждом собрании ругают, — будто я ничего не понимаю. Может быть, я просто родился недисциплинированным, а потом стану таким дисциплинированным, что у них слюнки потекут. Папа говорит: «Человек все время меняется». И я тоже меняюсь. Раньше я был еще и похуже, а сейчас стал лучше. А буду еще лучше. Может быть, лучше всех. А как человек себя ведет — это еще ничего не значит. Мы вот играем в войну. Одни бывают фашистами, а другие — нашими. Так что же, те, которые изображали фашистов, когда станут взрослыми, будут фашистами, что ли?

А я про шпионов люблю читать. Может быть, я шпионом буду?

И еще я ненавижу, когда врут по-настоящему. Если сказать, что видел собаку, у которой хвост на носу, а нос на хвосте, то это будет неправда, но вроде шутки. А если тебя спросят: «Выучил урок?», а ты не выучил, но говоришь: «Выучил», то это будет настоящая брехня.

Когда меня спрашивают, я всегда говорю, как было. Но у меня все получается как-то неудачно.

Например, мне говорят:

— Готов отвечать?

Я говорю:

— Нет.

— Почему?

— Не выучил.

— Почему не выучил?

— В хоккей играл.

Ребята начинают смеяться. Учитель сердится. А я виноват? Я сказал правду. Я на самом деле играл в хоккей. Чего ж тут смешного?

Учитель говорит:

— Разве ты не понимаешь, что это безобразие: играть в хоккей вместо уроков?

Я отвечаю:

— Понимаю, но у меня так вышло.

Ребята опять смеются. А я виноват, что у меня так вышло? Я не забывал, что надо уроки делать. И я не буду врать, что я заигрался и забыл. Или что у меня бабушка заболела. Я все помнил. Только мне со двора уходить не хотелось. И я сказал правду. Значит, нужно мне поставить двойку — и все.

Но меня начинают спрашивать:

— Если понимаешь, то почему не делаешь?

— Тебе что — хоккей важнее уроков?

— Ты что — и дальше намерен так поступать?

Я очень не люблю отвечать на такие вопросы. Хотя ответить ничего не стоит. Сначала нужно сказать: «Я понимаю, что это нехорошо». Потом: «Извините, пожалуйста». И под самый конец: «Честное слово, больше не буду».

Тогда получится, что я осознал свою вину и хочу исправиться. А я еще не знаю, исправлюсь я или нет. Или, может, я завтра под трамвай попаду и снова уроков не выучу... Тогда мне опять скажут, что я не держу своего слова.

У нас в классе есть Вовка Дутов. Он всегда говорит: «Извините, пожалуйста, это в последний раз». Но с этим последним разом он уже два года сидит в шестом классе. Он скоро дырку просидит на своей парте. А у меня

только две тройки: по ботанике и по поведению. Но все равно на собраниях меня ругают.

На прошлом тоже ругали.

Сначала все было ничего.

Елизавета Максимовна сидела за столом. Лина Львовна села за мою парту — наверное, хотела, чтоб я ее простил. Но я нарочно от нее отвернулся.

Елизавета Максимовна постучала по столу карандашом, и мы стали выбирать разные должности.

— Ребята, вы должны отнестись к сегодняшнему собранию серьезно, вдумчиво, по-пионерски, — сказала Елизавета Максимовна. — Если кто-нибудь хочет высказаться, не стесняйтесь, говорите прямо. Начнем со старосты. Как вы думаете, хорошо работала в прошлом году Вика Данилова?

Ребята молчали. Никто не хотел начинать первым. Потом Вовка Дутов запыхтел. Он всегда пыхтит, прежде чем сказать что-нибудь. Елизавета Максимовна посмотрела на него:

— Ну, Дутов?

— Хорошо, — сказал Вовка.

— Значит, возражений нет? Данилова остается старостой. Кто за это предложение?

Все подняли руки. А я не поднял. Я не был «против», но «за» я тоже не был. У нас в классе вообще никакой работы не ведется. Один раз только стенгазету сделали: вырезали из «Огонька» картинки и наклеили на лист бумаги. Сверху написали: «За отличную учебу». Только там никакой учебы не было. Вырезали одни самолеты и еще про служебных собак.

Данилова тоже работы не вела. Только из класса всех выгоняла в переменку. Если уж она так хорошо выгоняла, то, пожалуйста... Я бы еще лучше выгнал.

— А ты, Шмель, почему руки не поднимаешь? — спросила Елизавета Максимовна. — Ты — против?

Я говорю:

— Нет, Елизавета Максимовна, не против. Я не согласен, что «хорошо». Данилова нас из класса выгоняла. Если даже она очень хорошо выгоняла, то все равно больше ничего не делала.

— А ты сам что делал? — крикнула Вика. — Я тебя больше всех выгоняла.

Я повернулся к Вике и говорю:

— Ну, и что? Если бы я из класса сам выходил, тебе вообще было бы делать нечего. Вот и получилось бы, что ты плохо работаешь. А так, из-за меня, ты хорошо работала.

Ребята засмеялись. И Лина Львовна засмеялась. А Елизавета Максимовна сказала:

— Тебя, Шмель, почему-то не выбирают. Садись на место и не мешай.

— Я не мешал, вы сами спросили.

— Хорошо, хорошо. Довольно разговоров.

Я сел и показал фигу Вовке Дутову. А он погрозил мне кулаком. Тогда я быстро нарисовал в тетрадке человека с еловой шишкой вместо головы и опять показал Дутову. Он запыхтел и снова погрозил кулаком.

Пока я рисовал, Борьку выбрали председателем совета отряда за то, что он клеил газету. Он и в прошлом году был председателем, потому и газету сделал. За Борьку я голосовал — все-таки мы с ним живем на одной лестнице.

В это время открылась дверь, и вбежал Владик — наш вожатый, весь красный и волосы мокрые.

— Уф! — сказал он. — Извините, Елизавета Максимовна, что я опоздал. Только что тренировка кончилась.

— Нужно уметь рассчитывать свое время, — сказала Елизавета Максимовна. — Садись. Мы сейчас звеньевых выбираем.

— Не могу, — сказал Владик. — Я только на минутку... У меня кончилось по волейболу... Сейчас будет по баскетболу... Соревнования! Я потом прибегу! — И Владик исчез.

Елизавета Максимовна строго взглянула на Лину Львовну. Лина Львовна посмотрела на открытую дверь. Но там, где только что стоял Владик, никого не было, одни пылинки кружились в луче солнца.

Лина Львовна встала и закрыла дверь.

— Будем продолжать, — сказала Елизавета Максимовна. — Лина Львовна, у вас есть какие-нибудь предложения?

Лина Львовна встала из-за парты. Она чуть покраснела и принялась теребить концы галстука, повязанного у нее на шее. Наверное, раньше она так же стояла перед Елизаветой Максимовной, когда отвечала урок.

— Я не знаю... — тихо сказала Лина Львовна. — Мне бы хотелось... пусть ребята сами... пусть подумают и выберут. Мне кажется, им даже думать лень. Они привыкли, что им подсказывают. Ну и...

— Кто же им, по вашему мнению, подсказывает? — спросила Елизавета Максимовна.

— Ну... я... и другие...

— Хорошо, — спокойно сказала Елизавета Максимовна. — Но давайте об этом мы с вами поговорим после собрания. И без посторонних.

— Они не посторонние... — едва слышно сказала Лина Львовна.

В классе было так тихо, что если бы Лина Львовна не сказала, а только подумала, мы

бы и то, наверное, услышали. Ребята прямо замерли на местах. Мне даже показалось, что Елизавета Максимовна сейчас выгонит Лину Львовну из класса. Но Елизавета Максимовна сделала вид, что не расслышала. Я сижу на второй парте, и мне было видно, что она изо всех сил старается показать, будто ничего не случилось. Только ничего у нее не вышло. Я сразу понял, что она злится. Потому что она сначала стала поправлять прическу, а у нее прическа и так всегда гладкая — ни один волосок в сторону не торчит. Потом она полистала журнал. А журнал листать нечего — это ведь не урок. Я по себе знаю: если тебе нужно сдерживаться, то обязательно или нос зачешется, или кашлять захочется и вообще — начинаешь без толку руками возить.

Но Елизавета Максимовна все-таки сдержалась. Она даже улыбнулась чуть-чуть. Только смотрела она не на нас, а куда-то вверх, на стенку. Там у нас висит портрет Дарвина. Наверное, Дарвину она и улыбнулась.

— Ну, что же, ребята? — сказала Елизавета Максимовна.— Я жду. Пора заканчивать. Нам нужно выбрать звеньевых и редактора газеты. Предлагайте кандидатуры.

Ребята сидели молча и посматривали то на Елизавету Максимовну, то на Лину Львовну. А Лина Львовна сидела рядом со мной и рисовала на бумажке звездочки. Она нарисовала восемь звездочек и стала их зачеркивать.

— Я думаю, что звеньевыми можно поставить Летицкого, Никифорову и Дутова, — сказала Елизавета Максимовна.

Ребята засмеялись и все сразу посмотрели на Вовку Дутова. Мы думали, что она шутит. Вовка Дутов — второгодник. У него тройки пополам с двойками. Правда, он здорово в футбол играет, особенно головой. Мы его так и зовем: «Вовка — футбольная головка». Он длиннее всех в классе. И сильнее всех. Ну, и что? Из-за этого звеньевым выбирать? Он даже и сам удивился, что его назвали. Надулся и запыхтел.

— Ты что-то хочешь сказать, Дутов? Ты не согласен? — спросила Елизавета Максимовна.

Дутов поднялся с места.

— Я?

— Ну, конечно, ты.

— Пых... — сказал Дутов. — Пых... Согласен.

— Видишь ли, Дутов, — сказала Елизавета Максимовна. — Конечно, следовало бы подождать, пока ты исправишь свои двойки... Но... класс оказывает тебе доверие. Класс надеется, что ты изменишь свое отношение к учебе. Может быть, новые обязанности помогут тебе в этом. Как ты на это смотришь, Дутов?

— Пых... — сказал Дутов. — Я... изменю... Пых...

Все снова засмеялись. Но Елизавета Максимовна сказала, чтобы мы сидели тихо и не превращали собрание в забаву. Она еще сказала, что нехорошо смеяться над товарищем, а надо ему помочь. Как будто мало Дутову помогали! И учителя с ним сидят все время... Он сам учиться не хочет. Он говорит, что после восьмого класса его возьмут в футбольную команду мастеров.

Всем было так смешно, что уже хотели голосовать за Дутова, чтобы посмотреть, какой из него получится звеньевой. Я взглянул на Лину Львовну и увидел, что она поднимается с места. У нее было такое обиженное лицо, как будто ее ударили. Она стояла очень серьезная и очень бледная. И я даже испугался, что она заплачет.

— Елизавета Максимовна... — сказала Лина Львовна.

Елизавета Максимовна сразу точно окаменела. Она сидела очень прямо и смотрела на портрет Дарвина.

— Елизавета Максимовна, — уже громче сказала Лина Львовна.

Елизавета Максимовна медленно повернулась к Лине Львовне.

— Я вас слушаю.

— Елизавета Максимовна, мне нужно с вами поговорить. Я прошу вас... давайте выйдем в учительскую.

— Выйти? — удивилась Елизавета Максимовна. — Почему такая срочность? — Она взглянула на Лину Львовну и вдруг быстро поднялась из-за стола. — Ну, хорошо, идемте.

Они вышли в коридор и закрыли дверь.

Ребята сразу повскакали со своих мест и окружили парту Дутова. Его в классе никто не любит. У нас говорят: если Дутову голову поменять на футбольный мяч, а вместо мяча дать футболистам Вовкину голову, то ни учителя, ни футболисты не заметят разницы. Но его не любят не за то, что он глупый, а за хитрость. При учителях он — тихий-тихий. Учителя думают, что он неспособный, но зато послушный. И Дутов в классе сидит тише всех. Только он все запоминает. Не уроки, конечно, а кто что про него сказал. А после уроков подойдет и — раз кулаком или портфелем! Да еще обязательно подкараулит, когда человек идет один. С ним один на один никто не может справиться.

Мне-то вообще неважно, кто будет звеньевым — все равно никто работы не ведет. Но уж Дутов — извините, пожалуйста!

Когда мы обступили Дутова, он завертел головой, запыхтел, а сказать ничего не может.

Тогда Вика Данилова спросила:

— Дутов, ты правда хочешь быть звеньевым?

— А твое какое дело?

— Конечно, мое дело, — сказала Вика. — Ведь я же тебя выбираю.

— Ну, и выбирай!

— А я не хочу тебя выбирать.

— Сама ты дура, — сказал Дутов.

Ребята засмеялись. Только смеялись они как-то не очень весело — как будто их нарочно заставляли смеяться.

— А я тоже не хочу! — крикнул Алик Летицкий.

— Сам дурак, — ответил Дутов.

Теперь никто не засмеялся. Это уже получилось вроде игры. Все стали говорить: «И я не хочу. И я...». Дутов сначала отвечал, а потом перестал.

Тогда я сказал:

— Ребята! Алё! Знаете что...

Договорить я не успел. Сзади кто-то запустил в Дутова учебником. Книжка пролетела над партой и ударила Вовку по затылку.

Дутов вскочил. Он стоял, оглядывая ребят, и никак не мог догадаться, кто это сделал. Дутов стоял и краснел. Даже затылок у него стал красный. И вдруг он схватил самого ближнего и изо всей силы рванул за гимнастерку. Гимнастерка разорвалась, а пуговицы запрыгали по полу.

Это был Гера Попов. Он самый тихий у нас в классе. Он даже не говорил ничего. Только его парта — рядом с партой Дутова, и когда все ребята встали, то встал и он.

Гера испуганно посмотрел на Дутова, затем провел рукой по гимнастерке — она была разорвана до пояса. Гера наклонился и молча стал собирать пуговицы.

Я видел, что он чуть не плачет. Я знаю, что он не жадный. Ему чихать на гимнастерку. Только его дома будут **за это** бить: у него отец — пьяница.

Ребята молча смотрели на Дутова.

Дутов пыхтел и краснел еще больше.

Гера собирал свои пуговицы.

А мне вдруг стало жарко от злости. У меня даже голос охрип.

Я залез на парту и сказал:

— Ребята! Герка — самый слабый в классе. Верно? А Дутов — самый сильный. Он всех бьет поодиночке. Давайте мы сейчас разорвем ему гимнастерку.

— Попробуй, — сказал Дутов.

— И попробую. — Я соскочил с парты и сказал Борьке: — Борька, покарауль у двери. Если Елизавета Максимовна пойдет...

— Не надо, Костя, — ответил Борька. — Сейчас придет кто-нибудь. Лучше потом.

Но я так разозлился за Геру, что мне уже ничего не было страшно. Наоборот, мне было даже как будто весело.

— Ты — председатель отряда, и тебе нельзя драться, — сказал я Борьке. — Не бойся. Я тоже драться не буду. Только разорву ему гимнастерку. А ты покарауль.

Борька направился к двери.

А я подошел к Дутову.

Я протянул руку. Дутов сразмаху ударил меня по голове. И тут на него бросились все ребята. Оказалось, что Дутов вовсе уж не такой большой. Его облепили со всех сторон, и никак нельзя было просунуть руку, чтобы его стукнуть. Я хотел дотянуться до гимнастерки, чтобы ее разорвать, но ничего не получилось. Получилась куча-мала, а Дутов был где-то внутри. Наконец, мы засунули Дутова под парту и не выпускали оттуда, хотя он щипал нас за ноги.

— Идет! — крикнул Борька.

Все разбежались по местам.

Открылась дверь, и на пороге показалась Елизавета Максимовна. Она была одна.

Дутов ворочался под партой, он никак не мог вылезти — его затиснули между перекладинами.

— Что ты там делаешь, Дутов?

Дутов только пыхтел. Наконец, он выбрался и, весь красный, с расстегнутым воротом, уселся на скамейку.

— В чем дело, Дутов?

— Пых... — сказал Дутов. — Пых... Искал... Промокашку...

Мы захохотали так, что с потолка даже мел посыпался.

— Сидите тише и не превращайте собрание в забаву, — сказала Елизавета Максимовна. — А ты, Дутов? Нечего сказать, хорош звеньевой.

— Я не буду... пых... звеньевым...

— Почему не будешь?

Дутов уставился в парту и запыхтел еще сильнее.

— Что здесь произошло? Староста!

Встала Вика Данилова.

— Ничего, Елизавета Максимовна. Мы сидели и ждали.

— Таланов?

Встал Борька.

— Ничего, Елизавета Максимовна. Мы просто... сидели.

— Дутов?

Встал Дутов. Он краснел и пыхтел. И молчал.

— Я жду, Дутов.

Дутов прямо завертелся на месте, так ему хотелось сказать. Ведь если он не скажет, то получится, что он непослушный. А если он плохо учится, да еще и непослушный, так его вообще из школы выгонят.

— Пых... — сказал Дутов. — Промокашка... Упала... Я больше не буду, Елизавета Максимовна.

— Что не будешь?

— Пых... — сказал Дутов. — Вот... промокашка...

— Садись, — сказала Елизавета Максимовна.

Дутов сел и стал вытирать лицо рукавом.

— Может быть, у кого-нибудь все же хватит мужества сказать, что случилось? — спросила Елизавета Максимовна. — Или вы пионеры только по названию?

Когда она начала говорить про мужество, я не вытерпел.

— Елизавета Максимовна, — сказал я.

— Помолчи, Шмель. Я уже устала от твоих глупостей.

— А вы послушайте. Может, и не глупости.

— Что-то не верится, — сказала Елизавета Максимовна. — Ну, говори.

— Я и говорю. Ничего не случилось. Просто мы не хотим выбирать Дутова звеньевым.

— Почему?

— Потому... не знаю... Он нам не нравится.

— Это интересно, — медленно проговорила Елизавета Максимовна. — Это что-то новое, Шмель. Я не знаю, сам ты это придумал или... Впрочем, это неважно. — Елизавета Максимовна села за стол, помолчала. Затем она взглянула на меня и даже улыбнулась. Чуть-чуть. Так, будто ее дернули ниточками за губы и сразу отпустили. — Ну, а если, например, вам не понравится вожатый? Вы тоже будете против?

— Конечно, — сказал я. — Если не нравится... так чего же?

— Это тем более интересно. — Елизавета Максимовна говорила, будто по радио: очень ясно, каждую буковку было слышно. — Ну, а если вам не понравится старший вожатый?

Я не понимал, чего она хочет. Да хоть тридцать раз старший. Если не нравится — значит, не нравится. Если бы я один... Ведь все против Дутова. А когда все против — это же случайно не бывает. Значит, — сам виноват.

Я сказал:

— Ну, и пускай старший. Если плохой... Только мы ведь их не выбираем. Мы звеньевых выбираем.

— Достаточно, Шмель, — сказала Елизавета Максимовна. — Мы еще к этому вернемся. Боюсь, что это посерьезнее твоих прошлых дел.

— Да чего серьезнее? Я же вам про Дутова говорю.

— Нет, — сказала Елизавета Максимовна загадочным тоном. — Ты говоришь не только про Дутова. Но мы не будем здесь разбираться. Итак, ребята, — Елизавета Максимовна поднялась с места. — У нас было три кандидатуры: Никифорова, Летицкий, Дутов. Давайте голосовать. Кто за Никифорову?

Все подняли руки.

— Кто за Летицкого?

Опять все подняли руки.

— Кто за Дутова?

Никто даже не шевельнулся.

— Кто против Дутова?

Все подняли руки как один. Даже Дутов.

— Ну, что же, — сказала Елизавета Максимовна и взглянула на меня. — Давайте на сегодня закончим. Я подумаю, кто может быть третьим звеньевым. И вы подумайте. В следующий раз обсудим. До свидания.

Елизавета Максимовна повернулась и торопливо пошла к двери. По дороге она еще раз взглянула на меня. И опять как-то странно, будто я не человек, а какое-нибудь растение. Тропическое.

Ребята бросились к выходу. Всем уже надоело сидеть в классе. А я еще немножко посидел. Мне хотелось понять, почему Елизавета Максимовна все спрашивала про вожатых. Но я так и не догадался. Собрал свои тетради в портфель и вышел.

Когда я проходил мимо пионерской комнаты, мне показалось, что там кто-то поет. Тонким таким голосом. Пропоет несколько слов, замолчит, опять запоет. Я открыл дверь и заглянул.

За столом, положив голову на руки, сидела Лина Львовна. Она не пела. Это мне из-за двери показалось, что пела. Она плакала. У нее даже слезы текли. Я смотрел на нее и не знал, что сказать. Мне всегда жалко, если плачут взрослые.

А она заметила меня и сказала:

— Иди, Костя... пожалуйста... Зайди после... — И она снова заплакала.

Я закрыл дверь и выбежал на улицу.

Во дворе были почти все ребята. Они по дороге вспомнили, что когда выбирали Летицкого, то даже забыли спросить, какого Летицкого — Мишку или Алика?

— Да все равно, они ведь близнецы, — сказал я. — Пусть будут звеньевыми по очереди. Никто и не заметит.

— Ты, Шмель, можешь не острить, — сказал Мишка Летицкий.

— Извини, Алик, больше не буду, — нарочно ответил я.

— Я вот тебе сейчас дам за Алика! — сказал Мишка.

— А ты разве Мишка? — спросил я.

— А ты сам не видишь?

— Не вижу, — сказал я. — Я думал, ты — Алик. Ребята! А знаете, Лина Львовна...

Я хотел сказать, что видел сейчас, как Лина Львовна плачет. И не сказал. Сам не знаю, почему. Я повернулся и побежал в школу. У пионерской комнаты я снова услышал, как плачет Лина Львовна. Тогда я вырвал из тетради листок бумаги и написал на нем:

«Вера Аркадьевна! Зайдите срочно в пионерскую комнату! Неизвестный».

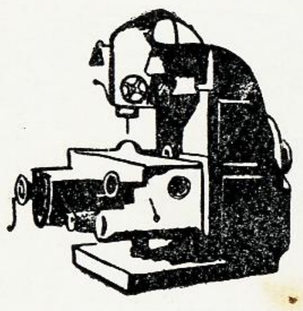
Затем я положил листок у двери завуча, постучал и спрятался за углом. Я видел, как Вера Аркадьевна подняла листок, посмотрела, пожала плечами и пошла в пионерскую комнату.

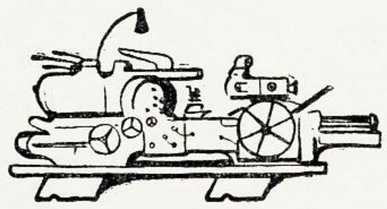
Когда я вернулся к ребятам, они уже выбрали Алика. Делать было нечего, но ребята почему-то не расходились. Все начали вспоминать, как не выбрали Дутова. Мне тоже нравилось, что его не выбрали. Тут дело даже не в Дутове. А в том, что мы все делали вместе. Вместе засунули его под парту — теперь пусть попробует кого-нибудь тронуть. А потом вместе его не выбрали. Вот нам и понравилось, что каждый был как бы за всех.

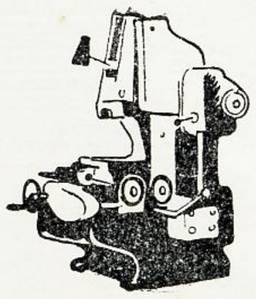
Это у нас первый раз, честное слово!

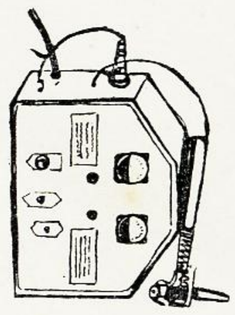
Продолжение следует.

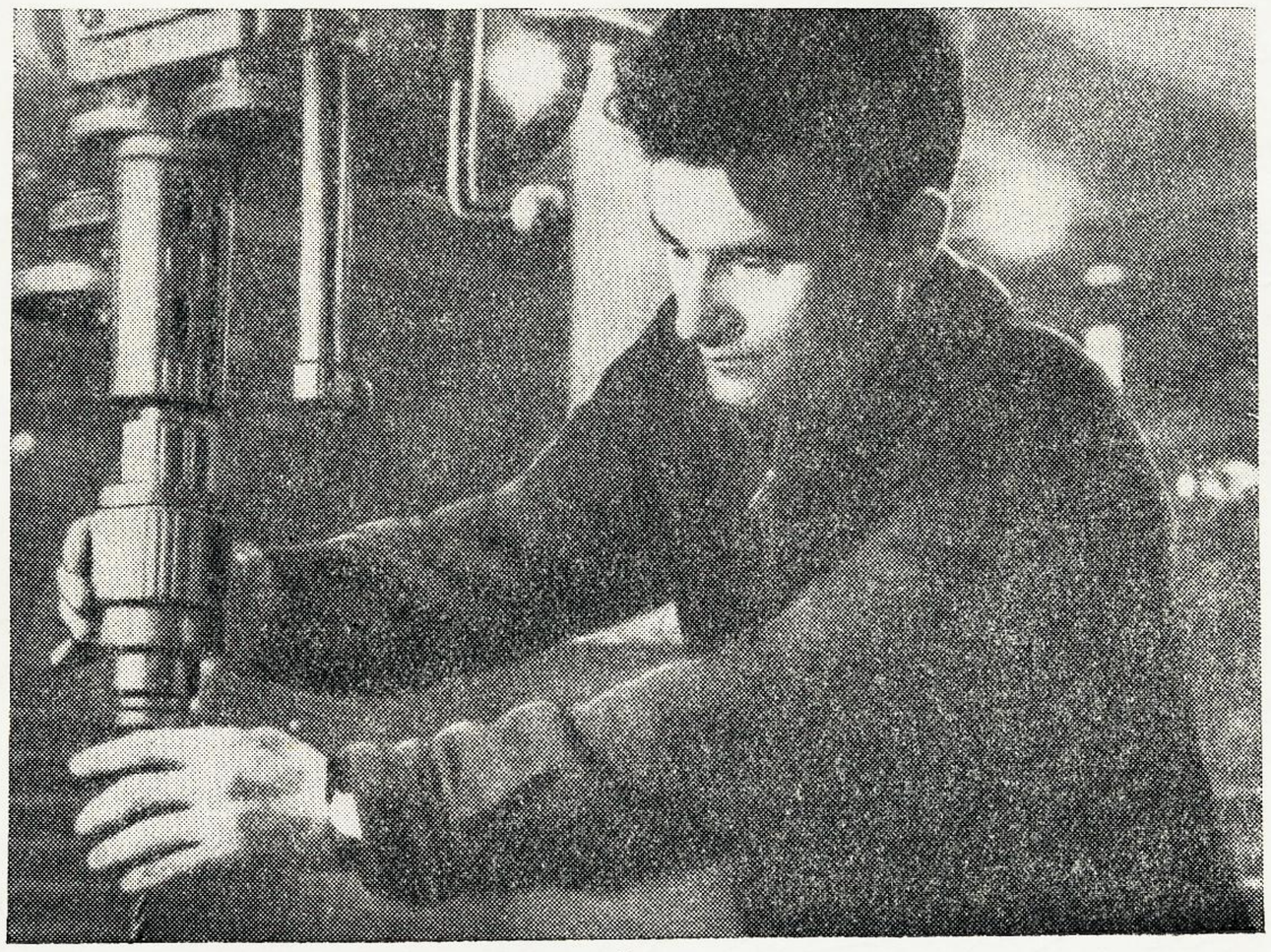
ВОТ ОН, КОММУНИЗМ!

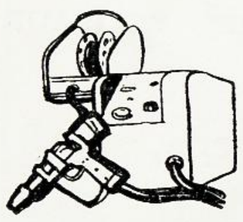

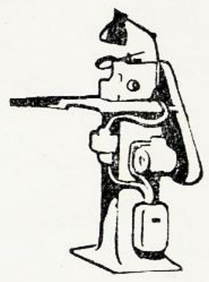

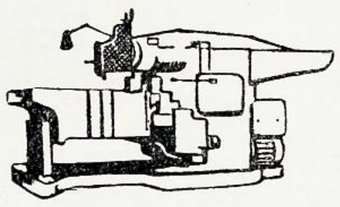

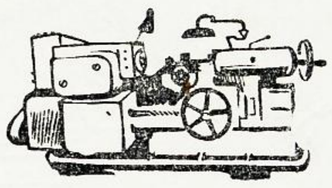

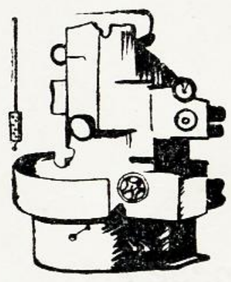

ПОТОМУ ЧТО ИНТЕРЕСНО

...— Константин! Костя!.. Нету. Пазы, видно, пошел фрезеровать.

На фрезерном участке Константина тоже не оказалось:

— Ищите на шлифовке.

Шлифовщики посоветовали обратиться к сварщикам.

Сварщик, отодвинув с лица маску, объяснил, что я и сюда пришла напрасно, что Мячин сейчас работает... на карусельном станке.

Я совсем растерялась.

— Вы, видимо, ошибаетесь. Мне нужен другой Мячин. Не карусельщик и не сварщик, а токарь!

И услышала в ответ:

— Мячин у нас один.

...Рядом с карусельным станком, на котором с большой скоростью вращалась огромная цилиндрическая деталь, стоял невысокий, коренастый человек.

— Вы меня спрашивали? — шагнул он навстречу.

И первое, о чем я спросила Константина Михайловича Мячина, было: кто же он все-таки? Какая у него профессия?

— Рабочий, — с улыбкой ответил он.

Заполняя анкету, в графе «специальность» рабочий завода «Электрик» Константин Мячин пишет: «Токарь». Но он мог бы приписать рядом: «Сверловщик, строгальщик, револьверщик, фрезеровщик, долбежник, шлифовщик, сварщик, газорезчик, карусельщик...»

Недавно он закончил вечерний техникум. Сейчас работает старшим мастером участка. Вот когда по-настоящему пригодились десять его специальностей!

И опять после трудного трудового дня он не уходит из цеха, осваивает новое дело — сборку электросварочных машин.

Никто его не просит об этом. Никто не заставляет. Просто ему интересно!

Л. Ваганова

Перевел
Игн. Ивановский

Рисунки
А. Скалозубова

Убили оленя три молодца,
Вилли, Адам и Клим.
За это шериф тугую петлю
Готовил всем троим.
Они из тюрьмы бежали в лес,

Вилли, Клим и Адам.
Назвались братьями три стрелка
И стали мстить господам.

Но горько Вилли тосковал
По детям и жене.
О них он думал целые дни,
А ночью видел во сне.

Пробрался он в родной Карлейль.
Было совсем темно,
Когда постучал лесной стрелок
В знакомое окно.

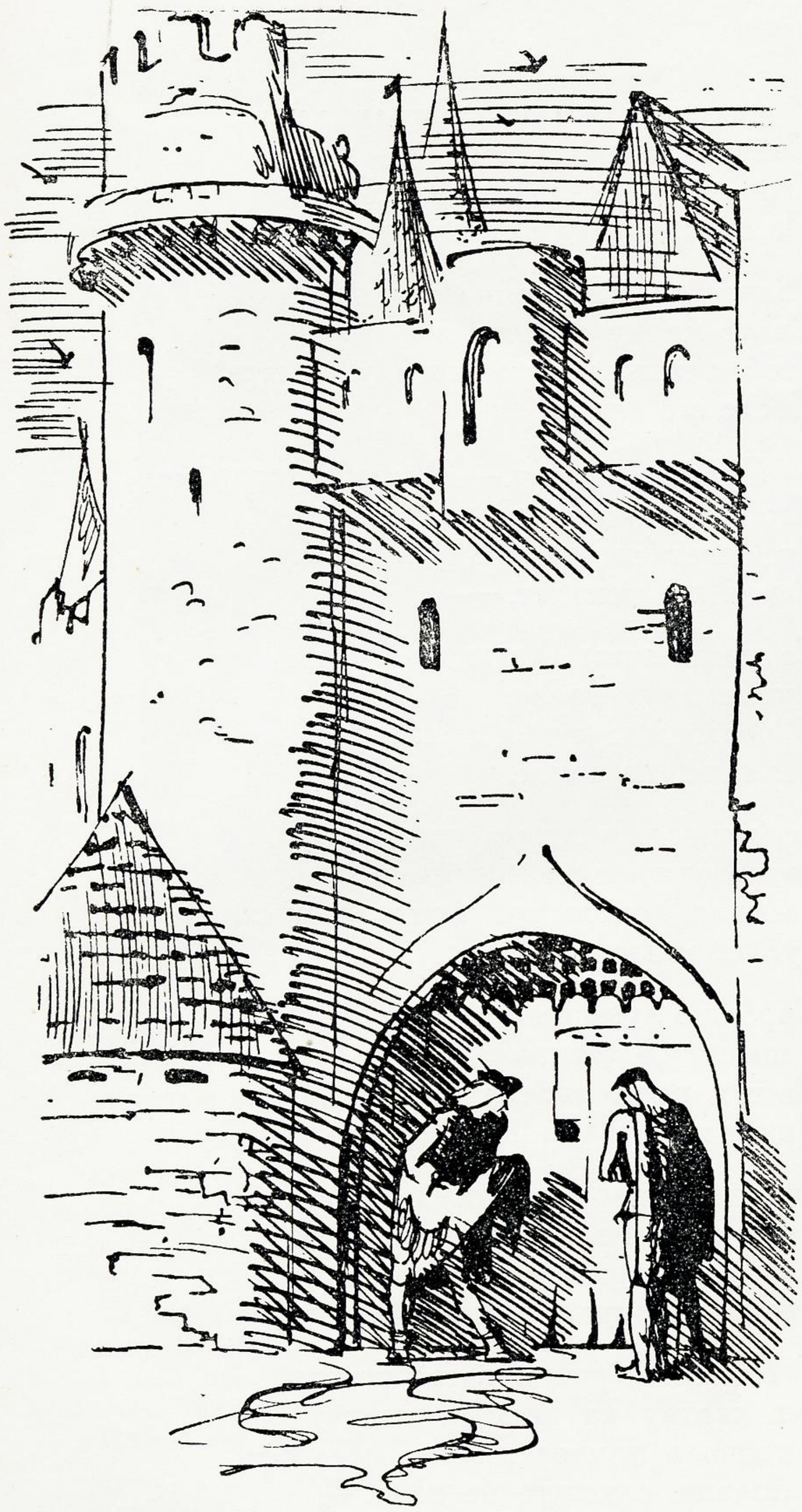
Ему жена отворила дверь,
Впустила Вилли в дом.
Она не сводила с мужа глаз,
Пока он сидел за столом.

Лежала старуха у очага,
Лежала, свернувшись в комок.
Семь лет назад ее Вилли пригрел,
Кормил ее как мог.

Старуха выползла за дверь
И побежала прочь.
— Вставай, шериф, и Вилли схвати,
Он дома проводит ночь! —

Сто золотых ей дал шериф
За голову врага,
И мигом старуха вернулась домой,
Легла у очага.

Стрелки короля окружили дом,
На шум сбежался народ.
Услышал Вилли лязг мечей
И гул толпы у ворот.

Он первой стрелой попал в судью,
Судья ему был знаком.
И, хоть судью кольчуга спасла,
Свалился судья мешком.

— А ну, соломы!—сказал шериф.—
Хорошего огонька!
Изжарится в доме Вилли —стрелок
И три его щенка! —

Дом запылал с четырех углов,
С улицы, со двора.
— Вилли, родной,—сказала жена,—
Прощаться, видно, пора. —

Вилли вязал узлы, узлы,
Вязал простыню к простыне.
На простынях он спустил детей,
Помог спуститься жене.

— Не тронь, шериф, моих сыновей,
Жену не бросай в тюрьму.
За все, что сделал я один,
Мне отвечать одному. —

Пылала крыша, и сруб пылал,
Пылала у дома трава.
Такой был жар, что у Вилли в руках
Лопнула тетива.

Он прыгнул в самую гущу врагов
Из верхнего окна.
Не раз, не два он их разгонял,
Рубился, как сатана.

— Двери и окна,— сказал шериф,—
Бросайте на него! —
Тут и окончился этот бой,
Триста на одного.

Ему скрутили руки назад,
Его повалили в грязь.
— До завтра, Вилли, — сказал шериф, —
Тебя петля заждалась. —

Наутро чуть свет проснулся судья
В доме своем над рекой.
Поехал виселицу смотреть
На площади городской.

Вертелся на площади мальчуган,
Ко всем приставал подряд,
Пока не ответили ему,
Кого сегодня казнят.

Тот мальчуган стерег свиней,
Он был городской свинопас.
Встречался Вилли ему в лесу,
Кормил его не раз.

Все разузнал про казнь мальчуган,
А после был таков.
Он в тот же час в глухом лесу
Нашел отважных стрелков.

Они бежали к стене городской,
Мечи плащами прикрыв,
Но видно было издалека,
Что запер ворота шериф.

Сказал Адам: — Вот чье-то письмо,
С печатями к тому ж,
А всем известно — привратник наш
Не больно ученый муж. —

Ногой в ворота ударил Адам.
Еще и еще разок.
Привратник к воротам заковылял
И поглядел в глазок.

— Нельзя, нельзя, — привратник сказал, —
Идите прочь от ворот.
Пока не повесим Вилли-стрелка,
Мы не откроем вход.

— Открой, собака, гонцам короля!
Видишь его печать? —
Загромыхал привратник замком,
Больше не смел ворчать.

Он отпер ворота — и мертвым упал,
Наткнувшись на мечи.
Адам оттащил его к стене
И взял его ключи.

Стояла виселица с петлей
На площади городской,
А рядом с ней красовался судья,
Надменный, важный такой.

И тут же в тележке Вилли лежал,
Связанный по рукам.
Его собрался повесить шериф
На страх лесным стрелкам.

Кликнул могильщика судья
Снять мерку с молодца,
Чтоб знать, какую могилу копать
После его конца.

— Знаешь, судья, — Вилли сказал, —
Что говорит народ?
Кто роет яму лесному стрелку,
Сам в нее попадет. —

Подняли луки Адам и Клим,
Пустили по стреле,
И через миг судья и шериф
Валялись на земле.

Веревки у Вилли на руках
Разрезали мечом.
Теснили врагов три брата лесных,
Рубясь к плечу плечом.

Хорошие луки были у них,
С шелковой тетивой.
Из тех, кто у виселицы стоял,
Никто не ушел живой.

Очистили площадь от врагов
Лесные силачи,
И вслед шерифовым стрелкам
Адам швырнул ключи.

— Берите обратно ваши ключи,
Тут хватит на всех по ключу.
Я вдоволь привратником послужил
И больше служить не хочу! —

Вилли в сырой тюрьме отыскал
Трех сыновей и жену.
На вольный воздух вывел их
И всех, кто томился в плену.

А названным братьям он сказал:
— Я жизнью обязан вам,
И если вы попадете в беду,
Я этот долг отдам. —

Они вернулись в дремучий лес
И жаркий костер развели.
Так Вилли чуть не повис в петле,
А братья его спасли.

Каждый народ создает свой эпос. Мы знаем русские былины, скандинавские саги. Есть свой эпос и у английского народа. Это — баллады.

Когда-то баллада была представлением в лицах. Представляя минувшие события, исполнители пели и плясали. Вот откуда и упругий песенный ритм баллад, и само слово «баллада»: «балляре» по-латыни значит «плясать».

Одну из английских народных баллад вы прочли.

* * *

Л. Мельникова, Ф. Нафтульев *Рисунки А. Януса*

Сидели всей компанией у костра.

Поговорили о Млечном пути и о том, есть ли край у Вселенной. И о космонавте Титове. И о подземных ходах под городом Львовом.

А потом запели:

Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой.
Глобус крутится-вертится,
Словно шар голубой...

Один Бука не пел. Нахохлился в сторонке и бубнил:

— Разве это поход? Ничего не открыли, гильзы порядочной и то не нашли. Голосить, небось, мастера...

И мы подумали: вдруг он прав? И действительно мы неудачники, и молчать бы нам насчет глобуса, желторотым?

Подумали так — и всё припомнили.

* * *

Окраина села Козево. Второе августа. Семь часов утра.

— Шагом — марш!..

Здравствуйте, зеленые горы Карпаты!

Мы идем по вашим склонам в цепочке. Ремни рюкзаков поскрипывают. Солнце пляшет на незакопченных котелках.

Длинный Эдик еще ни разу не споткнулся. Фима не поругался с Богданом. Марийка не заблудилась.

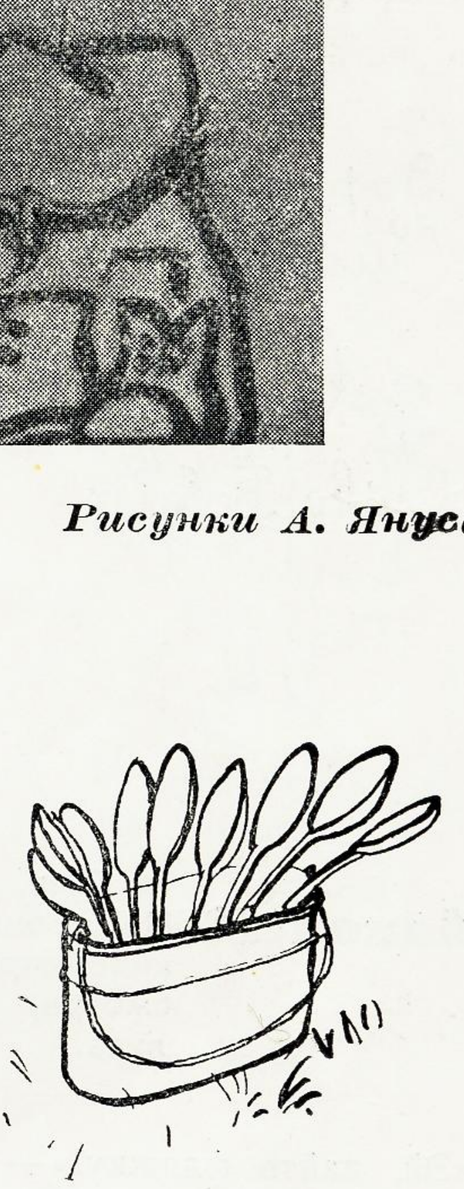
Началось путешествие! Только что!

...Это для нас «только что». Для корреспондентов.

А все остальные — давно в пути.

И Марийка, и Эдик, и ты, Бука, — ваш поход начался не сегодня, а гораздо раньше, и не здесь, а совсем в других местах.

Вы хорошо помните, как он начинался!..

Рассказ первый. Его мы услышали вечером на поляне близ хутора Орявчик

(Говорят Наташа Левицкая и Слава Бобеляк. А Фима Любинский им «помогает»)

НАТАША. Полтора года назад мы...

ФИМА. Не мешай! Полтора года назад мы были на реке Сан, знаете? Это к западу отсюда. Тоже в походе, всем кружком. Ничего такого еще не искали, а просто путешествовали.

Вот однажды под вечер посылаем разведчиков искать место, где лучше разбить палатки. Не успели они отойти — вдруг, видим, бегут обратно: «Святослав Георгиевич, скорей!..»

НАТАША. Оказывается...

ФИМА. Не мешай! Оказывается, шли они по зарослям, и вдруг Прыгунов куда-то провалился. Посмотрели — землянка! Разрушенная! Во!

НАТАША. С того и нача...

ФИМА. Не мешай! Нам, конечно, интересно, откуда землянка. Пошли утром на хутор, расспросили старожилов. Те плечами пожимают: «Проходили здесь в войну партизаны, но какие, не докладывались». А нам же интересно!

И тогда Слава Бобеляк говорит: «Краеведы мы или не краеведы? Давайте разбираться, как и что!»

Вот поход кончился, вернулись мы во Львов, стали искать. Все библиотеки перерыли! Прочли и о Ковпаке, и о Наумове, и о «Народной гвардии», и о...

СЛАВА. Только...

ФИМА. Не мешай! Что такое, слова не дадут человеку сказать! Только о партизанах на Сане — нигде ни строчки. Заколдованные какие-то! Про всех — есть, а про них — нет! И тут однажды... (ему затыкают рот)

НАТАША. Мы уже ни на что не надеялись. Сколько документов пересмотрели — и ничего. И тут однажды является на занятие Володя Тарнавский, раскрывает том Большой Советской Энциклопедии, тычет пальцем в страницу и говорит: «Ага!»

СЛАВА. А на странице — карта партизанского рейда...

„Мелочи“

Путь.

Не прошли еще и сорока километров. А открытия — смотри, Бука! — уже начались.

«Эй, дайте фляжку!» — «Ну-ну. Посмотрю я на тебя через полчаса». И через полчаса: «Жа-арко! Не могу-у-у»!

Ставили палатку в темноте, под ливнем. Вещи промочили, сами продрогли. А все потому, что раньше ходили и форсили: «Будем спать под открытым небом! Надоело возиться с колышками! Дневка — для отдыха!»

С вечера нарубили дров. На рассвете дежурные хвать-похвать — и ни палки. Весь неприкосновенный запас на дармовщинку спалила ночная смена. Ей было тепло и светло. А нам пришлось рубить заново. И завтрак поэтому опоздал.

...Смеешься, Бука?

Еще бы! Ты — старый походник, для тебя ли эта мудрость... Но ведь есть среди нас и новички!

А сам ты разве не был новичком — там, на реке Сан, откуда потянулась ниточка — от партизанской землянки к странице Энциклопедии и дальше, дальше?..

Рассказ второй. На ночевке близ Тисовца

(Говорят Коля Мусаелян и Рома Шпира. Фиму предусмотрительно услали за хворостом)

— ...Вон под горкой хутор Тисовец. Так это не тот Тисовец, а есть еще один Тисовец, чехословацкий. Там они кончили рейд.

— Начали — в Белоруссии. Десять тысяч километров прошли с боями!

— Это мы узнали из карты в Энциклопедии. Помните, нашел Тарнавский? И фамилия их командира там была.

— Шукаев.

— Теперь уже появился ключ. Написали в Министерство обороны, в Комитет ветеранов войны. Получили первые партизанские адреса. Послали первые запросы.

Отвечали нам по-разному.

— Иногда совсем не отвечали.

— Из Черниговского ОблОНО черкнули, что, дескать, бывший шукаевец Бочок в данной области не работает. А на самом деле он работал, да еще кем!

— Директором детского дома.

— А вот о самом Шукаеве — никаких сведений. Жив ли, погиб — неизвестно. Ищем, ищем...

Тут повезло уже Володе Коберскому. Володя, слышишь? Не задавайся!

У нас во Львове, на площади Мицкевича, большой книжный магазин. Зашел как-то в магазин Володя, рылся-рылся и наткнулся на «Боевое содружество». Толстенный сборник!

— Воспоминания партизан.

— Смотрит, в оглавлении — черным по белому: «М. Шукаев. На помощь братьям». И книжка вышла совсем недавно!

— Мы, конечно, сразу — письмо в Киев, в издательство: давайте координаты вашего автора. А еще через некоторое время смогли написать и самому.

Ответа не было долго-долго. Адрес оказался старый.

— Неправильный.

— Но московская почта все же доставила письмо. И вот приходит конверт: «Дорогие мои молодые друзья! Большое спасибо за память, а главное за ваши благородные действия...»

Игорь Левашов на марше (вид сзади)

после дождя

И все это — наше...

Путь...

Трава на склоне сухая. У самой земли, словно приклеены, торчат колючки. И колючие цветы. Этакий маленький подсолнух, только лепестки белые и жесткие.

Теперь идем среди огромных лопухов. Надеть такой на голову — и нет человека: египетская пирамида с хвостиком.

В лопухах — кабаньи следы. Вот совсем свежий. Острое копытце четко отпечатано на влажной земле.

Потом — папоротник. И лес.

Мята у тропы. Сорвешь, понюхаешь — и будто и не устал.

Полонины в сизом тумане. Орел кружит. Урчит за ельником трактор. Звенит дальняя песенка-коломыйка:

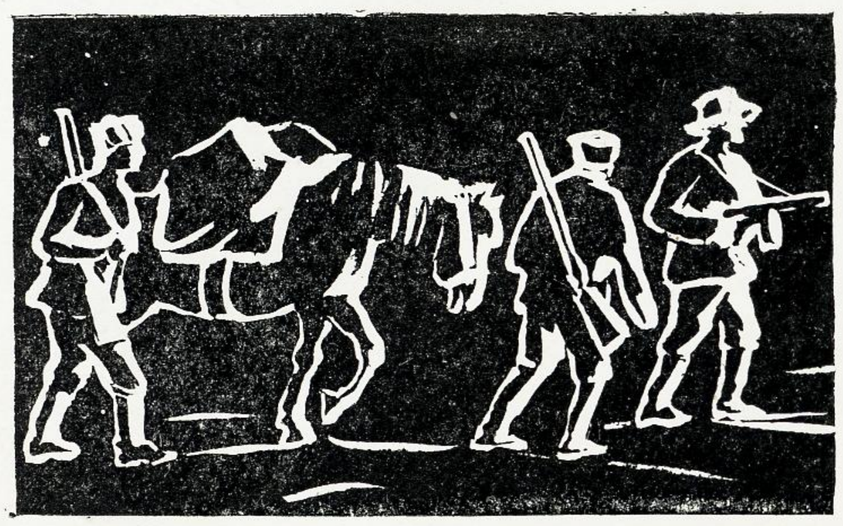
«Верховина, мати моя...»

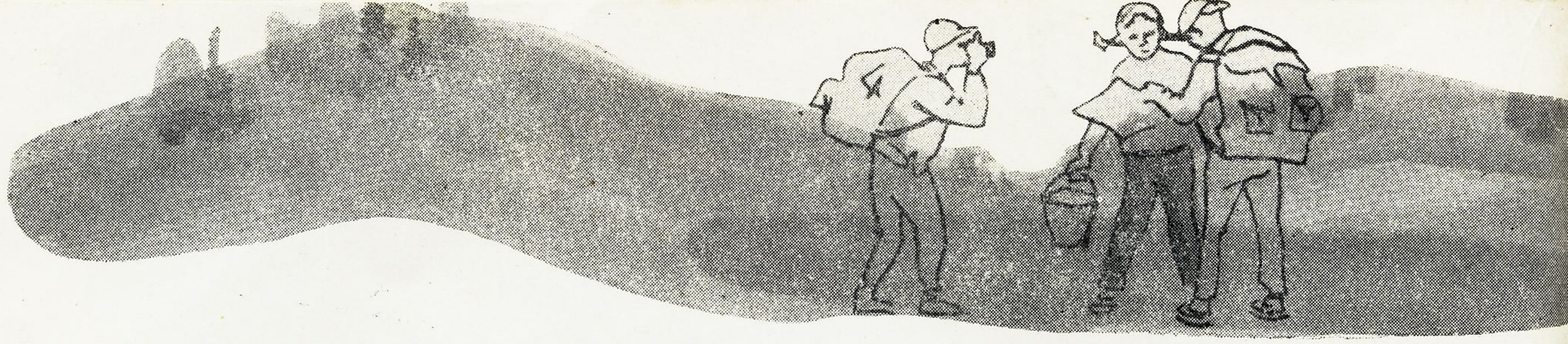
И все, что вокруг, — наше.

Чувствуешь, Бука? Наше!

Потому что недаром лилась кровь на этих тропах.

Спасибо вам, воины! Спасибо, шукаевцы!

Рассказ третий. На встрече с пионерами села Россохач.

(Говорят руководители кружка Святослав Георгиевич и Тамара Анисимовна)

— ...Сейчас самое трудное позади. Письма получаем десятками. И в нашем музее на туристской станции уже десятки ценнейших экспонатов.

Антон Васильевич Савич, бывший начальник партизанского штаба, передал нам на хранение свой дневник.

Бинокль видите? Трофейный. Его подарил музею адъютант Шукаева Данилович.

Хранится у нас и партизанская печать. Она, между прочим, вырезана из старой калоши.

— Мы будем продолжать поиски. Но у нас к вам большая просьба.

Рейд шукаевцев проходил совсем близко от вашего села. Если пошарить по окрестностям и поспрашивать взрослых, наверняка что-нибудь да отыщется.

Нашему кружку очень бы хотелось, чтобы вы это сделали.

Пусть всплывут новые имена и факты. Пусть и у вас откроется музей «Партизанская слава».

Дело-то общее!

Согласны?

— А нам пора двигаться дальше.

Знаете Черную Гору? Да, да, вашу. На ней партизаны стояли лагерем. Мы — туда.

Штурм.

Путь!

Нещадно палит солнце. Облизнешь губы — соленые. Натерты плечи. Пересохло во рту.

Дыхание: «Раз-два — вдох; раз-два — выдох».

Он бесконечен, этот подъем!

Постой, а как же партизаны? Пулеметчик Бова, например: каково ему было весь рейд, от Нежина до Тисовца, тащить пулемет на плечах?

Они шли по тем же кручам, что и мы. Только ночью. Без привалов. Голодные, с разбитыми ногами.

Так чем же ты недоволен?

Раз-два — вдох. Раз-два — выдох.

Ну, еще чуть-чуть! Еще несколько шагов, и —

— Вершина!

Ветер приветствует нас. Весело и неистово летит в лицо.

Как, Бука? Стоило лезть сюда, цепляться за ветки, потеть, проклиная рис и буханки хлеба в рюкзаке?

Бараньи шапки гор лежат перед нами. Они уходят к горизонту и тонут в голубой дымке.

— Вот Шебела. А за ней и Черна Гура, — говорит проводник.

— Оценяй, Эдик! Выше тебя! — острит Фима...

Шутка — лучшее средство
против усталости

Подступы.

Обнаружили обыкновенную консервную банку. Старую и проржавленную. Кто ее мог бросить? Кто-нибудь из местных? Но здесь не бывают местные жители...

Снова банка. Теперь с пулевыми отверстиями.

Потом банки начали попадаться на каждом шагу. И уже никого не удивляли. Две первых мы захватили для музея.

Среди истлевших листьев разыскали ружейную масленку, черепок котелка, обручи от бочки...

— Вверх по ручью — бункер!

Идем обследовать. Толстые бревна уложены в ряд у самой воды. Бункер? Нет, пожалуй. Скорее — остатки железной дороги. Она проходила во время войны между Черной Горой и Малой Шебелой.

«...Спустились на узкоколейку:...» — писал в дневнике партизанский комиссар Перепеча.

Помечаем ее на карте.

Ничего начало! Удачное!

— Наверняка найдем автомат, — мечтает завхоз экспедиции Богдан Городник. — Или даже два...

Черная.

Ели нехотя расступаются. Старые тропы бегут между стволами и пропадают в прошлогодней листве и ржавой хвое.

Осматриваем каждый бугорок, каждый камень.

— Смотрите, окопы!

Земляные валы тянутся ярусами по склону.

— Наверно, линия круговой обороны.

От земли — запах гнили, нежилой дух. Тропы незаметно переходят в дороги. Но и они не ясны. Стерты временем.

Шумит ветер в вершинах — гора дышит. Трещат сучья под ногами. И ничего больше.

Нет помятых гильз, нет пустых обойм, нет зажигалки или самодельного ножа, потерянных случайно. Одни окопы. Память о суровой солдатской жизни.

Холодные ночи без костров. Раны. Бои...

Мы читали об этом. Видели это в кино. Но совсем другое дело — стоять и слушать, как дышит Черная, и думать, что, может, как раз с этого пня смотрел в бинокль и товарищ Гладилин, командир партизанской разведки.

Так, Бука?

Помолчим...

Новое имя.

Тем временем на поляну, ко второму отряду, пришел настоящий, живой партизан.

Пылыпчак Теофий Васильевич (еще одно имя в нашей партизанской картотеке!) в сорок четвертом году носил шукаевцам на Черную Гору продукты, бывал у них в лагере.

Теофий Васильевич сказал, что соединение стояло частью на Черной, частью — на обеих Шебелах. От стоянок ничего не сохранилось, потому что дело было летом, землянок не копали, жили во временных будах-шалашах...

Еще он сказал, что под полониной, совсем недалеко, есть в лесу партизанская могила.

Завтра мы туда пойдем.

За власть Советов...

И пошли.

Полчаса продирались через чащу и читали на затесах точно в насмешку выведенное чернильным карандашом: «Расчистка проведена в 1958 году».

Какая уж тут расчистка!

Потом и затесы исчезли. Ели, упавшие от старости, в два обхвата толщиной, гниют поперек пути. Высоченный, безъягодный черничник. Водянистая брусника на буграх. И окопы, окопы...

Здесь был большой бой.

Сто раз могли мы пройти мимо того дерева — и не выделить его из остальных, не заметить, что наплывы и рубцы на коре смутно похожи на буквы и строки.

Но мы не прошли мимо, потому что именно к этому дереву шли.

Встали вокруг и по буквочке, наощупь начали разбирать надпись, что вилась винтом по стволу.

«Здесь лежит советский человек...»

«...от руки...»

«...истов...»

Ничего больше не прочесть. И Теофий Васильевич не может добавить ни слова.

Кто он? Как и когда погиб?

Мы обязательно это узнаем.

Разыщем его соратников, спишемся с ними, пошлем план местности и фото. Недаром Коля снова и снова щелкает затвором ФЭДа.

Сколько таких меченых елей, сосен, берез шумит вершинами в наших лесах! К скольким из них до сих пор тропа не протоптана! А время идет, и надписи на коре заплывают...

Товарищи. Сверстники. Пионеры.
Отсюда, из чащи возле
Малой Шебелы, мы обращаемся
к вам. Да не останется на нашей
земле ни одного безымянного,
забытого холмика!
Память павших — священна!

Так как, Бука? Нашли мы что-нибудь в походе или не нашли?

А ведь можно рассказывать еще о многом.

О том, как на горе Пикуй праздновали день рождения Яны Груник.

Как Руслан Калашников захотел стать разведчиком и что из этого получилось.

О фотоаппарате, который сначала потерялся, а потом нашелся.

О диких кабанах на ручье.

О малине на вершине.

О ночном взрыве.

И еще, и еще, и еще...

* * *

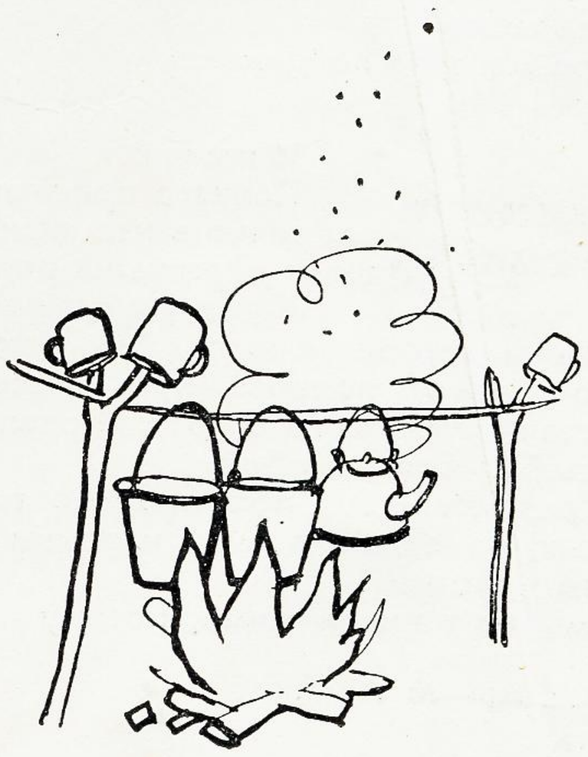
Так как же, дорогой товарищ Бука?..

Костер пылает, и песня летит:

Будем видеть друг друга мы
За вершинами гор,
За февральскими вьюгами,
Через снежный простор...

Здесь, в Карпатах, нет снежных просторов. Никаких особенных открытий мы, ты прав, не сделали. И поход наш, если со стороны нормативов, — просто средней трудности туристский поход.

И узнаем мы тогда, что смело
Каждый брался за большое
дело...

Самозабвенно подпевает знаток партизанских дел Фима. Звенят голоса Яны, Лены, Тани. И Игорь Прыгунов поет — тот, кто обнаружил ту, первую, землянку. И длинный Эдик Бонецкий, чьи мускулы теперь в два раза крепче. И Марийка Слепко, чья фляжка всегда открыта для всех.

Да и ты, Бука! Ты ведь тоже придвинулся поближе и тоже подтягиваешь:

Мы дойдем туда, куда хотели,
Мы всегда своей добьемся
цели...

Наша это песня.

Чего не сделали сегодня — то сделаем завтра.

Вот и все.

Август 1961 г. Карпаты — Львов — Ленинград

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Сейчас уже стало известно, кто лежит под елью на склоне Малой Шебелы: Салим Саттаров — партизанский командир.

Кружковцы Львова продолжают поиски. Они мечтают восстановить историю рейда полностью. С начала и до конца. Это трудное дело. Одним львовцам с ним не справиться. Ведь шукаевцы воевали не только в Карпатах.

Юные краеведы Черниговской, Полесской, Житомирской, Ровенской, Тернопольской, Черновицкой, Дрогобычской областей! По вашим родным местам шли походом партизаны. Узнать о них все, что можно, — ваша почетная задача. Важны каждая подробность, каждое имя, каждый боевой эпизод.

ПУСТЬ БУДУЩИМ ЛЕТОМ ПРОЙДЕТ ПО МАРШРУТУ ШУКАЕВСКОГО РЕЙДА ТУРИСТСКАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭСТАФЕТА!

Обо всем, что разыщете, увидите и услышите, — сообщайте по адресу: УССР, Львов, областная туристская станция, краеведческий кружок.

ЛЕТОПИСЬ ЛЕГЕНДАРНОГО РЕЙДА ДОЛЖНА БЫТЬ СОЗДАНА!

ПИОНЕРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Двадцатые, тридцатые годы... Далекое время? Нет, совсем недалекое. И все-таки — это уже история.

Твои родители были тогда пионерами. Как и ты, они дружили с рабочими заводов и фабрик, с крестьянами, помогали им строить новую жизнь. Часто звучало в те годы слово «ликбез», а теперь ты без посторонней помощи, пожалуй, и не поймешь его. Ликвидация безграмотности — вот что оно значит.

Вглядись в документы и фотографии тех славных лет. Все они собраны красными следопытами Ленинграда.

Научила мать грамоте

— Я мать учу грамоте, купила ей тетрадь.

Раз вечером она сказала: «Напиши мне буквы», — я ей написала и с того времени она часто занимается.

Мама благодарит меня за то, что я научила и она сейчас может писать и читать.

Деткор ИРА НИКИФОРОВА.

«Ленинские искры». 1929 г., № 2.

ЭТО ПИСЬМО ПИОНЕРЫ ПОЛОЖИЛИ НА СТАНОК БРАКОДЕЛУ

Уважаемый Андрей Степанович! Выражаю Вам свою искреннюю благодарность за то, что Вы делаете наибольший в цехе процент брака. Если все будут работать так, как Вы, то социализма большевикам не построить. Продолжайте, Андрей Степанович, в том же духе. Такие люди нам нужны. Примите уверения и проч.

Премьер-министр Англии Чемберлен

Спасибо Ире

Пасков

Вот что написал мал. Ира

Поможем батрачатам!

ЛИЧНЫЙ ДОГОВОР

Я, пионер базы металлического завода Михаил Крутов, провожу в течение трех недель в ударном порядке с отцом, дядей, матерью и братом беседы на следующие темы:

1. Как работают на заводе.

2. Состоят ли в ударной бригаде. Если нет, то почему.

3. Как работали в старое время.

4. Знают ли промфинплан.

5. Как повышают свою грамотность и квалификацию.

Потом мы заключили с отцом договор-соревнование.

Моему отцу:

1. Не пить вино.

2. Не прогуливать

3. Не опаздывать.

4. Каждый месяц давать мне 15 копеек на «Ленинские искры».

Мне:

1. Хорошо учиться.

2. Хорошо вести себя.

3. Аккуратно посещать пионерскую базу.

4. Всегда носить галстук.

ЗЕЛЕНЫЕ БЕРЕТЫ

Шкидский рассказ

Л. Пантелеев

Рисунки И. Харкевича

Я никогда не был пионером, хотя по возрасту вполне мог не один год, а даже несколько лет носить красный галстук. И мало того, что я сам не состоял в пионерской организации, какое-то время я считал всех юных пионеров своими смертельными врагами.

Вот как это получилось.

В то лето Шкида почему-то не поехала на дачу. Все лето мы томились в городе.

Помню знойный июньский день, послеобеденный час, когда все окна во всех классах и спальнях настежь распахнуты и все-таки в помещениях нечем дышать. Озверелые от жары шкидцы, те, что за хорошее поведение оставлены без отпусков и прогулок, слоняются из комнаты в комнату, пытаются читать, лениво перекидываются в карты и на чем свет стоит ругают халдеев, по чьей милости они сидят в этот душный, солнечный день взаперти.

Хоть бы дождь пошел, хоть бы гром загремел, что ли...

И вдруг — что такое? Кажется, и в самом деле гром? Нет, это не гром. Но за окнами что-то рокочет, погромыхивает, приближается... Постойте! Братцы! Да это же барабан! Барабанная дробь!.. Откуда? Что? Почему?..

И тут мы слышим в соседней комнате, в столовой, чей-то ликующий голос:

— Ребята! Ребята! Зе́кайте! Бой-скауты идут.

Мы кинулись к окнам. Облепили подоконники.

По Петергофскому проспекту — от Обводного канала к Фонтанке — не очень четким строевым шагом двигались под барабанную дробь человек тридцать мальчиков и девочек в белых рубашках, в синих коротких штанах и юбках, и с красными галстуками на шее. Под мышками они держали (как держат охотники ружья — «дулами» вниз) «посохи» — длинные круглые палки, с какими еще недавно по петроградским улицам разгуливали бой-скауты. Только начальник этих ребят, длинноногий парень с бритой наголо головой, был без посоха, да маленький барабанщик, шагавший впереди всех, да знаменосец, выступавший за ним сле-

дом. На красном бархатном полотнище большого тяжелого знамени мы разглядели слова:

«...завода «КРАСНАЯ БАВАРИЯ».

Конечно, любоваться этим зрелищем молча шкидцы не могли. Не успел барабан приблизиться к нашим окнам, как кто-то из старшеклассников оглушительно свистнул. Из соседнего окна закричали:

— Дю!..

— Дю! Дю! — подхватили на всех шести подоконниках.

Белые рубахи продолжали свой мерный шаг, только маленький барабанщик, оглушенный разбойничьим свистом, вздрогнул, споткнулся и испуганно взглянул на наши окна.

— Эй, ты! Отставной козы барабанщик! — загоготали шкидцы. — Гляди, бубен свой потеряешь!

— Эй, вы, голоногие!

— Гогочки!

— Голоштанники!

— Бой-скауты недорезанные!..

Но тут за спиной у себя мы услыхали гневный окрик:

— Это что за безобразие? Сию же минуту вон с подоконников!

В дверях класса, грозно поблескивая стеклами пенсне, стоял Викниксор. Однако на этот раз ни этот блеск, ни сердитый голос нашего президента не произвели на нас сильного впечатления.

— Виктор Николаевич! — позвал Янкель. — Идите сюда, посмотрите! Бой-скауты идут!

Недоверчиво усмехнувшись, Викниксор подошел, ребята посторонились, и он, наклонившись, выглянул на улицу.

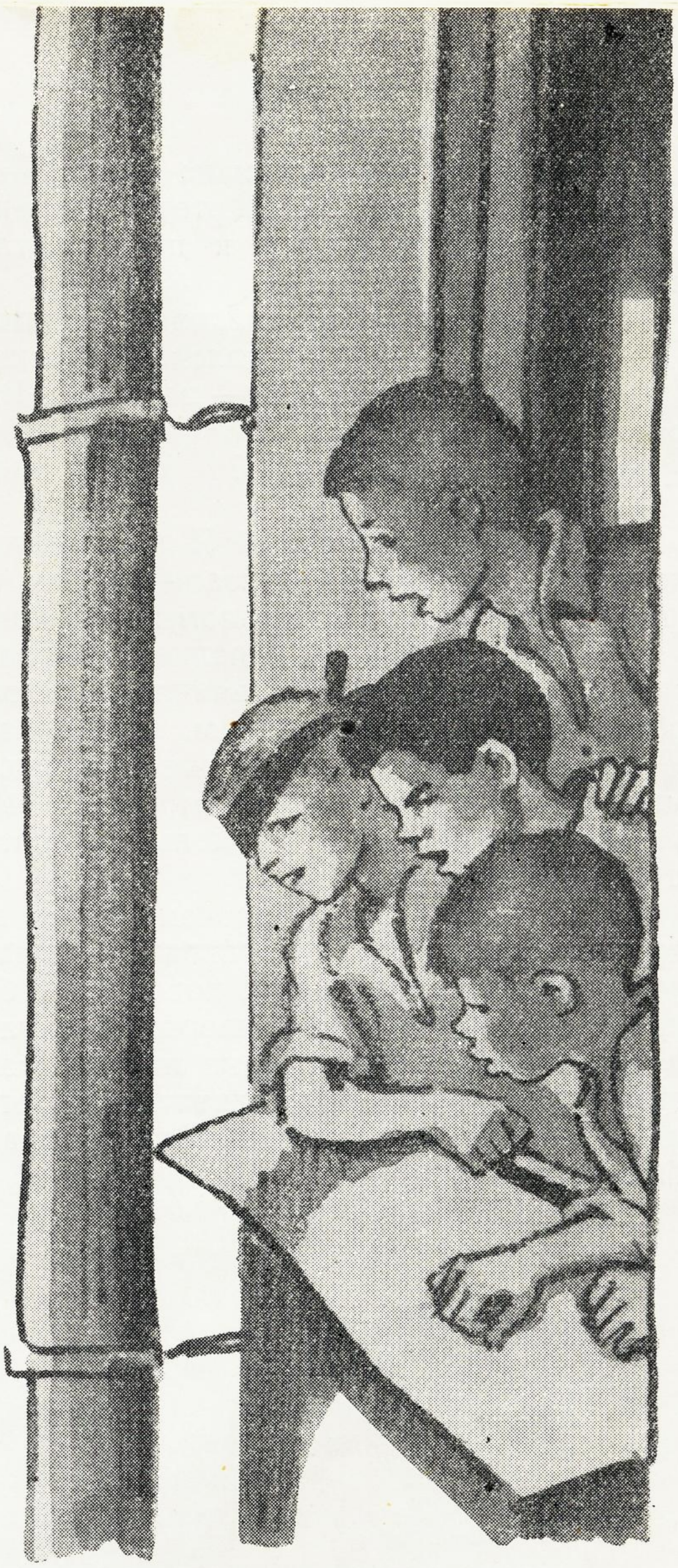
— Полно вам, какие это бой-скауты, — сказал он. — Это не скауты, это — юные пионеры.

Для многих из нас это было совсем новое, неслыханное слово.

Барабан стучал все тише и глуше, отряд голоногих приближался уже, вероятно, к Калинкину мосту, а мы обступили Викниксора и наперебой расспрашивали его: что это за новость такая — юные пионеры?

— Юные пионеры — это недавно созданная детская коммунистическая организация, — говорил Викниксор. — Пионер — это значит следопыт, первооткрыватель, разведчик... Если вы не забыли Фенимора Купера, объяснять вам не надо.

Нет, мы, конечно, не забыли Фенимора Купера. Но Купер тут был не при чем. И бой-скауты — тоже. Мы поняли, что эти ребята, над которыми мы только что так дико смеялись и вслед которым так неистово улюлюкали, — наши, советские ребята. Стало ли нам

стыдно — не скажу, но помню только, что нам самим страшно захотелось повязаться красными галстуками и с палками в руках пройтись по улицам.

И вот за ужином, когда, набив животы пшенной кашей, мы допивали жиденькое, без молока и без сахара какао, встал Колька Цыган и попросил слова:

— Виктор Николаевич, — сказал он, — а нельзя ли и у нас тоже организовать отряд юных пионеров?

Викниксор нахмурился и зашагал по столовой.

— Нет, ребята, — сказал он после паузы. — У нас нельзя.

— Почему?

— А потому, что школа у нас, как вы знаете, тюремного или, точнее сказать, полутюремного типа...

— Ага! Понятно! Рылом не вышли! — крикнул кто-то за столом четвертого отделения.

Викниксор повернулся и поискал глазами виновного.

— Еонин, выйди из столовой, — сказал он.

— За что? — взъерепенился Япончик.

— Выйди из столовой, — повторил Викниксор.

— За что, я спрашиваю?

— За грубость.

— За какую грубость?! Я же, Виктор Николаевич, не про вас сказал — рылом не вышли. Это не вы, это мы рылом не вышли.

— Еонин, имеешь замечание в Летописи, — так же невозмутимо объявил завшколой и, обращаясь к воспитанникам, продолжал:

— Нет, ребята, как я уже объяснил вам, мы, к сожалению, не имеем права основать у себя в школе ни комсомольскую организацию, ни пионерскую...

На эту тему, как, впрочем, и на всякую другую, Викниксор мог говорить часами. Он долго растолковывал нам, почему мы, бывшие правонарушители, беспризорники, хулиганы, поджигатели и бродяги, не имеем права состоять даже в детской политической организации. Но мы не слушали Викниксора. Нам было неинтересно.

«Ладно, — думали мы. — Чего там. Нельзя так нельзя — не привыкать. Мало ли чего не разрешено делать нам, трудновоспитуемым шкетам. Жили без галстуков, проживем без них и дальше...»

Все мы быстро успокоились, и только Японец, которому и в самом деле влепили замечание в «Летопись», еще больше озлился и на халдеев, и на пионеров. Стоило ему теперь увидеть из окна или на прогулке парнишку с красным галстуком, как Японец терял остатки самообладания и накидывался на юного пионера со всем пылом, на какой только был способен. Врать не буду — часто и мы не отставали от нашего товарища. Может быть, тут играла роль зависть, то, что мы — «рылом не вышли», а, может быть, просто мы были в то время сорванцами, которые только и ждут случая, чтобы затеять драку или перебранку.

Однажды в воскресенье мы отправились всей школой на прогулку в Екатерингоф. Не знаю, что там сейчас, а в наше время это был довольно большой и довольно паршивый, грязный и запущенный парк. Через парк протекала речушка Екатерингофка, а подальше было что-то вроде увеселительного сада с маленьким ресторанчиком и с дощатой эстрадой, где по вечерам выступали борцы, куплетисты, фокусники и жонглеры. Днем эстрада не работала, сад был открыт для всех желающих, и мы, помню, всегда устремлялись в первую очередь именно туда, потому что в саду на его посыпанных желтым песочком дорожках, в любое время дня и ночи можно было разжиться приличным окурком.

Но на этот раз нас ожидало в саду нечто куда более интересное, чем недокуренные нэпманские «Сафо» и «Зефир № 6». Неподалеку от входа, под открытым небом, за круглым железным столиком сидел и пил пиво могучего сложения усатый человек в просторном чесучевом костюме. Увидев этого богатыря, мы замерли. Кому из нас не приходилось видеть его — если не в кино, не в цирке и не на эстраде, то хотя бы на афишах и фотографиях. Да, сомнений не было — перед нами сидел «русский богатырь» Иван Поддубный, чемпион России по борьбе и поднятию тяжестей.

Окружив столик, мы застыли в благоговейном молчании. А он не смотрел на нас, — привык, вероятно, к тому, что на него постоянно глазеют, отхлебывал из кружки пиво и лениво заедал его моченым горохом.

Помню, мы обратили внимание, что железный стул, на котором сидел Поддубный, дюйма на четыре ушел в песок и продолжает туда погружаться.

— Весь уйдет, — прошептал одноглазый Мамочка.

— Не... весь не уйдет, — шепотом же ответил Купец.

Завязывалось интересное пари. Но завязаться ему было не суждено. Именно в эту минуту мы услыхали у себя за спиной душераздирающий вопль, оглянулись и увидели первоклассника Я́кушку, который со всех ног мчался от садовой калитки по направлению к нам. Он бежал, нелепо размахивая руками, и тоненьким голосом кричал:

— Ребята! Ребята! Скорей! Бегите! Пионеры Япончика бьют!

Мы ахнули, переглянулись и, забыв Ивана Поддубного, с диким боевым кличем кинулись туда, куда указывал нам путь маленький Яковлев.

Он привел нас на берег Екатерингофки. И мы увидели такое, что заставило нас заскрипеть зубами.

Тщедушный Япончик катался по траве в обнимку с таким же тщедушным пареньком в пионерской форме, а несколько других пионеров кидались к нему, пытаясь оттащить его или ударить. Нам некогда было рассматривать, что там происходит, кто прав, а кто виноват.

Раздался трубный голос Купца:

— Сволочи! Наших бить?!

И, зарычав, мы ринулись на выручку Японца.

Позже мы узнали, как было дело. Придя вместе со всеми в Екатерингоф, Японец в сад не пошел, а свернул в сторону и направился в свои любимые места — на берег речушки, где под сенью серебристой разлапистой ивы, среди пыльных лопухов и облетелых одуванчиков так славно всегда мечталось и думалось. За поясом у Японца были припрятаны книги и тетрадка, он рассчитывал посидеть, почитать, посочинять стихи... И вдруг он приходит и видит, что на *его* месте, у той самой плакучей ивы, где столько раз он сидел и мечтал, стоит, вытянувшись как солдат и приставив к ноге посох, какой-то карапет с пионерским галстуком.

Япошка остановился и вперил в пионера гневный гипнотический взгляд. Это не подействовало, тот продолжал стоять как истукан.

Тогда Японец спросил, что ему здесь надо.

Пионер не только не ответил, но и бровью не повел. Потом-то выяснилось, что у них тут происходила какая-то военная игра, и этот парень стоял на часах, а часовому, как известно, разговаривать с посторонними не полагается. Но Японец знать этого не мог. В первую минуту он опешил, потом рассвирепел, а потом, увидев, что перед ним стоит не человек, а статуя, осмелел и стал задевать пионера. После он клялся нам, будто не трогал этого парня, а только «словесно пикировал» его. Но мы-то хорошо знали остроту Япошкиного языка и понимали, каково было пионеру от этой пикировки.

Одним словом, дело кончилось тем, что пионер слушал, слушал, терпел, терпел и наконец не вытерпел, оглянулся и, без лишних слов, хряснул Японца своим посохом по шее.

Японец не отличался ни силой, ни храбростью, драться не умел и не любил, но тут, то ли пионерский посох оказался чересчур крепким, то ли противник выглядел не таким уж страшным, только Японец не стал раздумывать, кинулся на маленького часового, сбил его с ног и стал дубасить своими жиденькими кулачками. Пионер по мере сил отвечал на удары. До последней минуты этот мужественный человек помнил, по-видимому, что он — часовой, и дрался молча. Но когда Японец подобрался к его шее и стал душить его, часовой не выдержал, поднял голову и стал звать на помощь. Примчались другие пионеры, кинулись их разнимать. На шум прибежал гулявший поблизости Я́кушка. Через минуту появились мы.

Не знаю, чем бы все кончилось и какие размеры приняло бы это Екатерингофское побоище, если бы на горизонте не возник длинноногий пионерский вожак. Мы услыхали трель его футбольного свистка и тут же увидели, как он мчится к реке на своих длинных, как у страуса, ногах.

— Ша! Ша! — кричал он, размахивая длинными руками. — Ребята, ша! Что тут происходит? Ша, я говорю!

Пионеры оторвались от нападающих шкидцев, сбились в кучу.

— Костя, Костя, мы не виноваты, — загорланили они наперебой. — Это приютские на нас напали...

— Что-о-? — закричал он и повернулся не к нам, а к своим пионерам. — Какие еще «приютские»? Что за выражение — «приютские»? Вы что, где — при капитализме живете?

— А ну, ребята, отсе́кните, — повернулся он к нам. — Живо. Кому я сказал? Чтобы ноги вашей здесь не было...

Мы поняли его и почему-то беспрекословно послушались: повернулись и зашагали прочь.

И тут мы увидели нашу воспитательницу Элланлюм. Из-за кустов выглядывало ее крас-

ное, распаренное и разгневанное лицо. Как выяснилось, она все или почти все видела.

— Хороши! — сказала она, когда мы приблизились к кустам. — Нечего сказать: хороши! Фу! Стыд! Позор! Несмываемый позор на весь район! Разве с вами можно ходить в публичные места? С вами только на необитаемый остров можно ходить.

И, приказав нам построиться, Элланлюм объявила:

— А ну — быстро в школу! Обо всем будет доложено Виктору Николаевичу.

Мало того, что мы должны были раньше времени прервать прогулку, не собрав ни одного окурка, не доглядев Поддубного и не насладившись другими прелестями Екатерингофа, — нам еще, оказывается, грозил крупный разговор с Викниксором.

Всю дорогу мы ворчали на Японца. А он виновато усмехался, шмыгал носом и дрожащим от волнения голосом пытался объяснить нам, что он не виноват, что он только «словесно пикировал», а драться и не думал с этим голоногим...

Не знаю, что случилось: то ли Элланлюм не доложила все-таки заведующему о драке, то ли Викниксор из каких-то высших педагогических соображений решил не давать этому делу дальнейшего хода, только крупный разговор между нами так и не состоялся.

Зато состоялся другой разговор. После ужина Японец разыскал Пантелеева и Янкеля. Уединившись в верхней уборной, сламщики * посиживали там и курили на двоих один «чинарик».

— Ребята, — обратился к ним Японец каким-то необыкновенным, торжественным голосом. — У меня к вам серьезный разговор.

— Вали, — ответил несколько удивленный Янкель.

— Нет, только не здесь.

— А что? Тайна?

— Да. Разговор конфиденциальный. Давайте пройдем в Белый зал, там, кажется, сейчас никого нет.

Заинтригованные сламщики сделали по последней затяжке, заплевали окурок и спустились вслед за Японцем вниз. В дверях Белого зала Японец оглянулся и сказал:

— Только предупреждаю: не трепаться.

В самом дальнем углу зала он еще раз оглянулся, посмотрел даже для чего-то на потолок и только после всех этих мер предосторожности сказал:

— Вот какая у меня идея. Я много думал и пришел к такому решению: если мы не имеем права легально организовать у себя комсомольскую или пионерскую ячейку, значит...

— Значит? — насторожился Янкель.

— Самая элементарная логика подсказывает, что если нельзя легальную, значит нам остается основать нелегальную.

— Что «нелегальную»? — не понял Пантелеев.

— Нелегальную организацию.

— Какую организацию?

— Юношескую... коммунистическую.

Шкидцы переглянулись. Хмыкнули. Улыбнулись. Идея явно понравилась.

— А нам по шапке не дадут? — сказал, подумав, Янкель.

— А у тебя что — такая уж роскошная шапка? От нас зависит, чтобы организация была хорошо законспирирована...

При таких обстоятельствах родился Юнком, подпольная организация Юных Коммунаров. Это событие давно уже вошло в историю республики Шкид, о нем поведано миру на других страницах и повторяться я не буду.

Напомню только, что при вступлении в организацию каждый новый член должен был давать клятву, обязываясь молчать и не выдавать товарищей. Принимали в организацию не всех, прежде чем быть принятым, нужно было пройти серьезное испытание.

Несколько раз в неделю собирались юнкомовцы где-нибудь в развалинах флигеля или в заброшенной швейцарской под парадной лестницей и при жидком свете свечного огарка вели конспиративные занятия. В подпольных кружках мы изучали историю Коммунистической партии и международного революционного движения. Изучали историю Комсомола. Начали даже политическую экономию.

Лекции нам читал самый начитанный из нас — Жорка Японец, и, говоря по правде, часто мы слушали его гораздо внимательнее, чем некоторых наших педагогов.

Мы были счастливы. Мы ходили по земле, преисполненные гордости от сознания, что за плечами у нас — страшная, волнующая тайна.

Когда под окнами нашего класса проходил теперь под барабанную дробь пионерский отряд с завода «Красная Бавария» или с «Путиловца», мы не свистели, не смеялись, не улюлюкали. Мы молча, сверху вниз (и не только потому, что смотрели из окон, а они шагали по улице) взирали на них, переглядывались и снисходительно ухмылялись.

---

* СЛАМА — так назывался у беспризорных союз, заключавшийся между двумя друзьями. Сламщики должны были всем делиться между собой, защищать друг друга и помогать друг другу в беде.

«Топайте, топайте, братишечки, — думали мы. — Наводите, пожалуйста, сколько угодно фасона вашими галстуками и палочками. У вас, милые детки, это все — игра, забава, а у нас...»

«Эх, знали бы они», — думали мы. И, по правде сказать, нам очень хотелось, чтобы они знали. Но пионеры, конечно, до поры до времени ничего знать не могли, хотя, как выяснилось потом, хорошо помнили о нашем существовании.

А выяснилось это таким образом. Однажды вечером несколько старшеклассников — Янкель, Купец, Пантелеев и Мамочка, получив разрешение дежурного воспитателя, отправились в кино. Не успела эта четверка выйти на улицу и не успел дворник Мефтахудин закрыть за ними железные ворота, как с противоположной стороны Курляндской улицы ребят окликнули:

— Эй, достоевские!

Навстречу шкидцам шли два паренька и одна девчонка в пионерских галстуках. Шкидцы переглянулись и нерешительно двинулись им навстречу.

На середине мостовой те и другие сошлись.

— Мы к вам, — сказала девчонка.

— Мерси! Бонжур! Силь ву пле, — ответил Янкель, галантно раскланиваясь и шаркая босой ногой.

— Чем мы заслужили такую честь? — пробасил Купец, тоже делая какой-то мушкетерский жест.

— Ладно, хватит вам трепаться, — сказала пионерка. Она была чуть постарше и чуть повыше своих спутников.

— Мы пришли по делу, — сказала она. — Только к вам очень трудно попасть. Стоим уж минут сорок.

— У вас все равно как... — начал один из пионеров, самый маленький, с белобрысым хохолком. Но девчонка так ловко и так сильно

пырнула его в бок, что он ёкнул и осекся. Мы поняли, о чем хотел сказать белобрысый: будто у нас как в тюрьме.

— Да, вы правы, сэр, — повернулся к нему Янкель. — К нам попасть нелегко. У нас — привилегированное закрытое учебное заведение. Вроде Кэмбриджа или Оксфорда. Слыхали о таких?

— Ребята, мы к вам не шутки шутить пришли, а по делу, — сердито сказала девчонка. — Вы можете говорить по-человечески?

— О, миледи, сделайте одолжение! — воскликнул Янкель.

— Тогда слушайте. Мы хотим взять над вами шефство и помочь вам организовать в вашем интернате пионерскую дружину.

Трепливое настроение сразу оставило шкидцев.

— Шефство? — переспросил Янкель, поскребывая в затылке. — Гм. Да. Это интересно. Но, между прочим, у нас уже есть шефы — Торговый порт.

— Да? А пионеры? Почему же вам шефы не помогли организовать пионерскую дружину? Мы лично вам с удовольствием поможем.

Что мы могли сказать этой девчонке? Что мы не имеем права состоять в детской политической организации? Что мы — малолетние преступники? Что у нас детдом с полутюремным режимом?

И тут нас выручил Мамочка. Вообще-то он, конечно, совершил преступление. Он нарушил или вот-вот готов был нарушить клятву.

— Спасибо, ципочка, — пропищал он, игриво подмигивая пионерке своим единственным глазом. — Спасибо... У нас уже есть.

Шкидцы похолодели. Все взгляды устремились на Мамочку.

— Что у вас есть? — не поняла пионерка.

— Что надо, то и есть, — так же кокетливо ответил Мамочка.

— Пионерская организация? Дружина?

Мамочка метнул растерянный взгляд на товарищей. Но сейчас на него смотрели не товарищи, а три хищных зверя.

— Я спрашиваю: у вас что — пионерская организация есть?

— Ага, — с трудом выдавил из себя Мамочка. — Вроде.

Шкидцы заволновались.

— Ребята, пошли, опаздываем, — сказал Янкель. И, помахав пионерам рукой, он первый зашагал в сторону Петергофского проспекта.

За углом шкидцы остановились. Купец грозно откашлялся.

— Ну, Мамочка, — сказал он после зловещей паузы, — имеешь.

— За что? — пролепетал Мамочка. — Я же ничего не сказал. Я только сказал «вроде»...

Обсудив находу этот вопрос, мы решили, что Мамочка заслужил пощаду. Ведь в конце концов он и в самом деле спас нас, выручил из очень трудного положения. А кроме того мы очень спешили в кино. И, посовещавшись, мы решили проявить на этот раз снисхождение и простили Мамочку.

А дня через два наша подпольная организация самым глупым образом провалилась. Дворник Мефтахудин, обходя поздно вечером школьную территорию, заметил в развалинах флигеля бледный, дрожащий огонек, услышал доносившиеся из-под лестницы глухие голоса и, решив, что в развалинах ночуют бандиты, со всех ног кинулся за помощью к Викниксору.

Таким образом вся наша маленькая организация была захвачена на месте. Ни одному подпольщику не удалось скрыться.

Мы ждали жестокой расправы. Но расправы не последовало. Обдумав этот вопрос и обсудив его на педагогическом совете, Викниксор разрешил нашей организации легальное существование.

И вот наш Юнком из темного подполья вышел на солнечный свет.

Мы получили помещение — комнату, где находился раньше школьный музей. У нас появилась своя газета. Число членов Юнкома стало расти. Были утверждены новый устав и новая программа. Был избран Центральный комитет. Открылась юнкомовская читальня...

Единственное, чего мы не имели, это формы. Даже галстуков или значков каких-нибудь у нас не было.

Но вот как-то вечером, когда мы кончали ужинать, в столовую бодрым и даже молодцеватым шагом вошел Викниксор. Уже по одному виду его можно было догадаться, что он собирается сообщить нам нечто весьма приятное. Так оно и оказалось. Походив по столовой и потрогав несколько раз мочку уха, Викниксор остановился, внушительно кашлянул и торжественно объявил:

— Ребята! Могу вас порадовать. Мне удалось раздобыть для вас через Губернский отдел народного образования двадцать пар брюк и почти столько же беретов.

— Каких?

— Куда?

— В кино?

— В какое? — загалдели шкидцы.

— Не билетов, а беретов, — с благодушной улыбкой поправил нас Викниксор. — Бархатных беретов с ленточками... И главное — представьте себе — оказалось, что эти ленточки наших национальных цветов.

Мы дружно закричали «ура», хотя далеко не все поняли, о каких ленточках и о каких национальных цветах говорит наш президент.

— Виктор Николаевич, — сказал, поднимаясь, Янкель, — а какие это наши национальные цвета?

— Эх, Черных, Черных, как тебе не совестно, братец, — добродушно ухмыльнулся Викниксор. — Неужели ты не знаешь своего национального флага? Цветá подсолнуха — черный и оранжевый.

Мы были заинтригованы. Поднялся невероятный галдеж. Шкидцы в один голос требовали, чтобы им показали эти береты с национальными ленточками цвета подсолнуха.

Улыбаясь, Викниксор поднял руку.

— Хорошо, — сказал он. — Дежурный, поднимись, пожалуйста, наверх и попроси у кастелянши от моего имени один берет.

Через две минуты дежурный вернулся, и мы получили возможность воочию лицезреть этот оригинальный головной убор. Темно-зеленый бархатный или плюшевый берет с мохнатым помпончиком на макушке был действительно украшен сбоку двумя короткими георгиевскими ленточками.

Шкидцы молча и даже с некоторым страхом разглядывали и ощупывали это удивительное произведение швейного искусства, неизвестно как и откуда попавшее на склад Губнароба. После того как берет побывал на всех четырех столах и снова очутился в руках Викниксора, тот сказал:

— Таких беретов мне удалось, к сожалению, получить только семнадцать штук. На всех, увы, не хватит. Я прикинул, каким образом распределить их между вами, и пришел к такому решению... Право носить береты мы предоставим лучшим из лучших, нашим передовым, нашему авангарду — членам Юнкома.

На этот раз никто не кричал «ура», даже юнкомовцы почему-то молчали, и никто не смотрел на них с завистью. Только какой-то новичок из второго отделения, обидевшись на Викниксора, крикнул:

— А мы что — рыжие?

— Нет, Петраков, — ласково сказал Викниксор, — ты не рыжий. Но ты еще не заслужил чести состоять в организации Юных Коммунаров. Добивайся этого и в один прекрасный день ты тоже получишь право носить форму.

Это слово заставило многих из нас вздрогнуть и насторожиться.

— Виктор Николаевич, — поднялся над столом Купец, — а что, разве это обязательно?..

— Что?

— Носить эти беретики?

— Да, Офенбах... разумеется... как и всякую другую форму.

Мы ясно представили себе Купца в этом детском головном уборчике с розовым помпоном на макушке, и нам стало не по себе. У многих из нас появились дурные предчувствия. И предчувствия эти, увы, очень скоро оправдались.

В тот же вечер Купец подошел к Янкелю и Японцу, обсуждавшим очередной номер юнкомовской газеты, и сказал:

— Вот, что, робя... Вычеркивайте меня.

— Откуда? Что? Почему?

— Из Юнкома. Я выхожу, выписываюсь...

Напрасно мы уговаривали его: решение его было непоколебимо. Купец навсегда был утрачен для нашей организации.

Остальные держались более или менее стойко.

Я говорю «более или менее», потому что ходить по улицам в этих гамлетовских головных уборах и в самом деле требовало немалой стойкости и геройства. Особенно, если учесть, что ситцевые брюки, которые раздобыл для нас Викниксор, оказались самых фантастических расцветок: голубые, светло-зеленые, канареечно-желтые...

Куда там пионерам с их короткими штанами и кумачовыми галстуками! К пионерам в городе скоро привыкли. Одни смотрели на них с гордостью и любовью, другие — с затаенной ненавистью. Что касается юнкомовцев, то к их «форме» население Петрограда привыкнуть не могло. Не было случая, чтобы человек шел по улице и, повстречавшись с юнкомовцем, не вздрогнул, не оглянулся и не сказал бы ему вслед что-нибудь вроде: «Эва как вырядился дурак» или «ну и чучело с помпончиком!..»

Когда мы шли строем, было еще туда-сюда. В строю мы были солдатами, мы чувствовали локоть соседа. Идти же в одиночку было нестерпимой пыткой.

И не все эту пытку выдерживали.

Не выдержал ее, между прочим, и одноглазый Мамочка.

Вот что случилось однажды в субботний вечер.

Три шкидца, три юнкомовца, три члена Центрального комитета — Янкель, Японец и Пантелеев, получив отпускные свидетельства, бодро и весело шагали по Петергофскому проспекту в сторону центра. Несколько опередив их, по другой стороне улицы шел Мамочка. Шел он тоже довольно быстро и тоже был в юнкомовском берете, но берет ему попался как на зло очень большой, плоский, так что щупленький Мамочка был похож издали на какую-то сыроежку или поганку. Кто-то из

юнкомовцев увидел его, ребята посмеялись, поострили немножко на Мамочкин счет и снова увлеклись беседой. Но тут Янкель, бросив рассеянный взгляд на противоположный тротуар, вдруг остановился и воскликнул:

— Ребята, постойте, а где же Мамочка?!

Только что Мамочка был и его не стало. Не было его ни впереди, ни сзади, ни слева, ни справа. Среди бела дня человек растворился, провалился сквозь землю, превратился в невидимку.

С разинутыми ртами шкидцы стояли на краю тротуара и смотрели. И тут их разинутые рты еще больше округлились. Ребята увидели Мамочку. Он вышел из какого-то подъезда, воровато оглянулся и быстро зашагал, почти побежал к трамвайной остановке. На остриженной под машинку Мамочкиной голове чернел узелок всегдашней его повязки. Берета на голове не было. Он явно перекочевал или в карман, или за пазуху.

Юнкомовцы мрачно переглянулись.

— Хорош гусь, — сквозь зубы проговорил Японец.

— Ах ты, ренегат паршивый! — воскликнул Янкель.

Не сговариваясь, юнкомовцы ринулись за своим слабохарактерным товарищем, но он, словно ожидая или предчувствуя погоню, прибавил шагу, и, не успели шкидцы окликнуть его, как Мамочка вскочил на колбасу только что тронувшегося трамвая и был таков.

Откровенно говоря, мы не имели права слишком строго судить его. В душе каждый из нас хорошо понимал Мамочку. Но мы были руководители, вожди, и мы не вправе были прощать трусость и малодушие.

— Судить! — воскликнул Янкель.

— Исключить! — изрек Японец.

Третьему оставалось требовать разве что гильотины или расстрела.

Во всяком случае, в понедельник утром, по возвращении из отпуска, Мамочку ожидали весьма малоприятные вещи. Но в понедельник Мамочка в Шкиде не появился. Не вернулся он и во вторник. А в среду после обеда Викниксору позвонили по телефону из районного отделения милиции и сообщили, что его воспитанник Федоров Константин находится на излечении в хирургическом отделении Александровской городской больницы.

Взяв с собой двух старшеклассников, Викниксор сразу же поехал в больницу.

Мамочка лежал без сознания. Против обыкновения, повязка на его голове была не чер-

ная, а белая. Остренький Мамочкин носик еще больше заострился, губы запеклись.

У Мамочкиной постели сидел и писал что-то в блокноте работник милиции. Из-под белого халата выглядывали черная кожаная тужурка и деревянная кобура маузера.

Когда мы узнали, что в субботу вечером Мамочку, избитого до бесчувствия, привезли в больницу с Покровского рынка, нам стало не по себе. За что могли избить на рынке тринадцатилетнего приютского парня? По опыту мы знали, что только за воровство. Недаром в те годы окрестная шпана распевала песню:

На Английском у Покровки
Стоят бабы, две торговки,
И ругают напропад
Достоевских всех ребят...

Да, немало соблазнов таил в себе в те годы рынок, и немало было случаев, когда шкидцы, особенно новички, попадались на таких некрасивых занятиях, как бесплатное угощение орехами, яблоками, конфетами и т. п. Но — юнкомовец? Авангард школы...

— Нет, нет, — успокоил Викниксора сотрудник милиции. — Ни о каком воровстве и речи быть не может...

То, что случилось с Мамочкой на Покровском рынке, получило тогда в городе довольно широкую огласку. Была даже статья в одной из петроградских газет, кажется, в «Смене».

Держа путь на Малую Подъяческую, где проживал его старший семейный брат, Мамочка проходил через Покровку. Пошел он прямо через рынок, наверно, для того, чтобы сократить путь. В этот день брат обещал повести его в цирк, и Мамочка боялся опоздать.

Рынок уже закрывался, народ расходился, торговцы складывали свои лари и навесы.

И тут Мамочка увидел такое, что заставило его мигом забыть и о цирке, и о брате, и обо всем на свете.

Три молодых нэпмана, три красномордых подвыпивших мясника, обступили большой решетчатый ларь, в каких обычно торговцы держат арбузы, капусту или живую домашнюю птицу, и с диким, пьяным хохотом тыкали в этот ящик палками и растрепанной дворницкой метлой.

— А, ну, говори, сопляк! — рычал один из них, самый краснощекий, высокий, в рыжем, замаранном кровью фартуке. — Говори, повторяй за мной: «Я — индюк, красные сопли...»

Мамочка подошел ближе и с ужасом увидел, что в ящике, скорчившись, в неудобном положении, сидит маленький белобрысый паренек в изодранной белой рубахе и в сбитом на сторону красном галстуке. В этом пацане Мамочка без труда узнал одного из тех, кто приходил в Шкиду брать над нами шефство.

— А, ну, повторяй! — наседали на мальчика рыночники. — Повторяй, тебе говорят: «Я, — индюк, красные сопли... отрекаюсь...»

— Отпустите меня! Я же опаздываю, — сдерживая слезы, из последних сил просил мальчик.

— Отрекайся, паскуда, хуже будет! А ну!..

И грязная метла снова полезла в лицо мальчику.

Мамочка не мог больше спокойно смотреть.

— Вы что делаете, сволочи?! — закричал он, кидаясь к мясникам.

Торговцы оглянулись и вытаращили глаза:

— А это еще что за козявка?

— Вы что, я говорю, измываетесь над парнем? Думаете, большие, так можно?!

— Ах ты, лягуха безглазая, — зарычал детина в фартуке. — Ты что — тоже в ящик захотел? А ну — давай лезь за компанию!

И он протянул свою толстую, волосатую руку, чтобы схватить Мамочку за шиворот. Но Мамочка был не из таких. Он успел больно укусить мясника за руку, отскочил в сторону, развернулся и изо всех сил лягнул своего противника босой пяткой в живот.

Дальнейшего, как говорится, Мамочка не запомнил.

Три дюжих мясника-ярославца изволохали его так, что на нем живого места не осталось. В больницу Мамочку привезли почти без пульса. И в течение суток врачи не знали, выживет он или нет.

Никаких документов при Мамочке не нашли. Только на третий день агент угрозыска, изучая Мамочкину одежду, обнаружил в кармане ярко-желтых штанов зеленый бархатный берет, а в подкладке этого берета — сложенное в восемь раз удостоверение, из коего следовало, что Федоров Константин, 13 лет, воспитанник петроградской школы социально-индивидуального воспитания им. Ф. М. Достоевского направляется в домашний отпуск до 9 часов утра 14 августа 1922 года.

...Спасибо докторам и сиделкам Александровской городской больницы. Они выходили Мамочку, спасли ему жизнь.

Признаться, я совсем не помню, как и когда Мамочка вернулся в Шкиду. Кажется, после больницы он несколько недель провел дома, у брата. Не помню я также, что сделали с мясниками. Знаю, что их судили и осудили, но как и на сколько — врать не хочу, не запомнил. Сказать по правде, нам тогда было не до этого: Юнком переживал смутные времена, начались раздоры в ЦК, и история с Мамочкой как-то сама собой отошла на задний план.

Но вот что мне хорошо запомнилось.

Славный сентябрьский денек. В классе четвертого отделения идет урок древней истории. Поскрипывая своими старыми, порыжелыми сапожками, Викниксор расхаживает по классу и с упоением повествует о немеркнущих подвигах спартанских воинов. Среди нас находится и Мамочка, он сидит на своем обычном месте, на Камчатке. Место это Мамочка упорно обороняет уже не первый год. Сколько ни уговаривают его халдеи пересесть поближе, он отказывается, уверяет, что на задней парте ему лучше видно. Но *что́* ему лучше видно, об этом он, конечно, умалчивает. Все дело в том, что Мамочка — заядлый картежник...

День солнечный, мягкий. За раскрытыми окнами позванивают трамваи, громыхают тяжелые качки ломовиков, цокают копыта, с противоположного тротуара доносятся выкрики торговок семечками... Для нас все эти шумы сливаются в один однообразный рокот.

Но вот в эту скучную музыку улицы врывается что-то новое. Постойте, да это же, кажется, гром гремит? Нет, не гром, это стучит барабан. Да, да, барабанная дробь. Она все ближе, ближе, она уже совсем близко, и вот — перекрывая барабан, на всю улицу, на весь город запел пионерский горн.

Нам уже не сиделось и не слушалось. С мольбой мы уставились на Викниксора.

— Виктор Николаевич, можно?

Викниксор походил по классу, потрогал мочку уха, похмурился.

— Можно, — сказал он.

Мы бросились к окнам, облепили, как мухи, подоконники.

По улице — от Обводного канала в сторону Калинкина моста — шли пионеры. Это был тот же, знакомый нам отряд с завода «Красная Бавария», но теперь пионеров стало гораздо больше.

Барабан выстукивал четкую дробь, ребята по-солдатски отбивали шаг, пел, заливался серебряный горн, и пламенно, огненно горело над головами юных пионеров вишневое полотнище знамени.

На этот раз мы лежали совсем тихо.

А пионеры поравнялись с нашими окнами, и вдруг их долговязый вожатый забежал немножко вперед, повернулся лицом к отряду и взмахнул рукой. Барабан и горн одновременно смолкли, и все пионеры — а их было уже человек сто — разом повернули головы в нашу сторону и, не сбивая шага, три раза подряд громко и дружно прокричали:

— Ур-ра!

— Ур-ра!

— Ур-ра!

Ошеломленные, мы застыли на своих подоконниках.

И тут Янкель оглянулся и сказал:

— Мамочка, дитя мое, а ведь ты знаешь — эти овации относятся к твоей особе.

Мамочка удивился, покраснел, вытянул шею и вдруг узнал в барабанщике, который все еще держал палочки поднятыми над барабаном, того самого белобрысого паренька с Покровского рынка. Не знаю, что почувствовал в эту минуту Мамочка. Но он понял, вероятно, что от него ждут какого-то отклика. И, покраснев еще гуще, он свесился вниз и крикнул своим писклявым, хриплым, неокрепшим после болезни голосом:

— Эй, ты, голоногий, бубен потеряешь!..

После кое-кто уверял, что Мамочка — дурак. Нет, дураком он, пожалуй, не был. Просто он был настоящий шкидец, не умел нежничать и не нашел никакого другого способа выразить свои чувства.

Если тебя что-то волнует,
ты хочешь поспорить
или не находишь ответа на вопрос,—
пиши нам.
Клуб открыт для всех,
кроме равнодушных.

СЕГОДНЯ В КЛУБЕ:

Обсуждаем письмо Наташи Никитиной. — Октябренок Тим и вожатик Женька. — Если уж дразнить, так бездельников. — И захотел отряд имя героя. . . — Мы ищем Кубу.

Наш отряд очень недружный. *У нас совсем не работает пионерский актив. Сборов бывает очень мало. За пятый класс было только два сбора. Мы в пятом классе выбрали председателем Валю Шепетову. Она стала зазнаваться и не работала с классом. Мы решили ее переизбрать. Но в шестом классе выбрали ее снова. И она опять не работает, от пионерских поручений отказывается. У нас в классе не с кем поделиться впечатлениями о прочитанной книге, о просмотренной кинокартине. Все заняты только своим личным делом, а ведь многие у нас неуспевающие. В пионерский актив выбирают только отличников. Согласия не спрашивают, заставляют насильно. Хорошие водятся только с хорошими. а на плохих внимания не обращают. Наш отряд занимает по успеваемости шестое-седьмое место, а мог бы второе-третье... Ответьте мне, пожалуйста, каких учеников надо выбирать в актив?*

Наташа Никитина.
Комсомольск, Ивановской области. Школа № 1. 6 класс

Письмо Наташи Никитиной обсудили пионеры 6г класса 209 школы Ленинграда

ВОВА СМИРНОВ: — Если Валя плохо работает, ее надо переизбрать.

НОННА КАГАНСКАЯ: — Это легче всего.

МИША ФИШЕР: — Наташа! Ты пишешь, что у вас каждый думает только о себе. А у нас в отряде все помогают друг другу. Я, например, плохо занимался по арифметике и попросил Веру Рыбакову помочь. Она мне с удовольствием помогла.

КЮК

ВОВА СМИРНОВ: — Надо выбрать такого человека, который уважал бы ребят, считался с их мнением.

НОННА КАГАНСКАЯ: — У вас мало сборов. Но разве жизнь отряда только в том, чтоб сборы проводить или говорить на какую-нибудь сухую тему? Можно пойти вместе в кино, в театр, на выставку, устроить поход или соревнования. У вас председатель плохой. А все остальные? Только ворчат и ничего не делают.

САША ГОРЬКОВИЧ: — Как это в актив выбирать насильно? Предположим, он отличник, а на работу общественную ему наплевать — что тогда? Вроде как у нас Элла Малкина. Учится хорошо, а в классе делать ничего не хочет.

ГАЛЯ ВИНОГРАДОВА: — Когда я в четвертом классе была председателем, меня тоже критиковали...

ГОЛОС: — За что?

ГАЛЯ: — У меня были недостатки...

ГОЛОС: — А ты скажи, какие?

ГАЛЯ: — Ну, я зазнавалась...

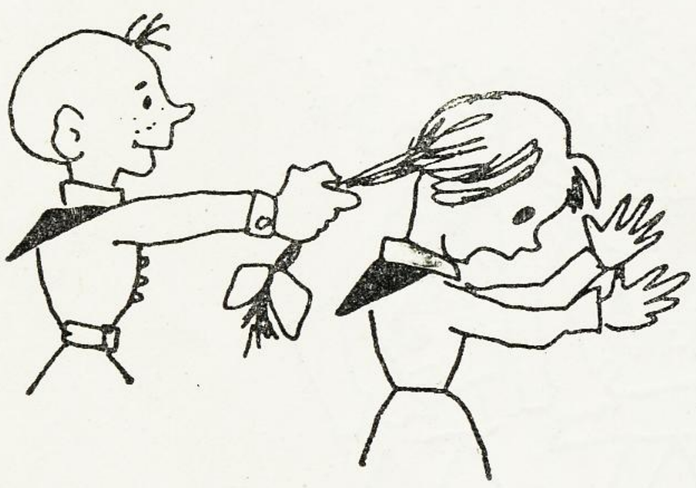
ГОЛОС: — А сейчас ты опять председатель?

ГАЛЯ: — Да.

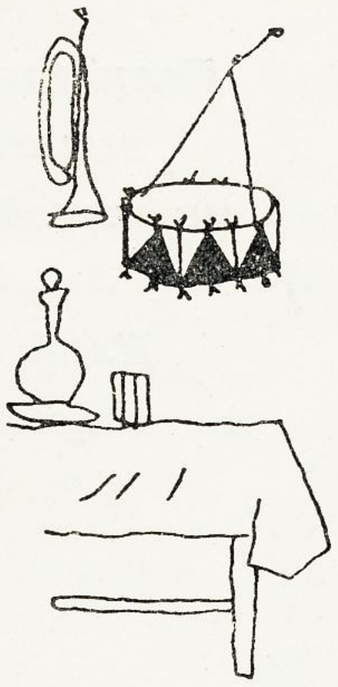
ГОЛОС: — Ну, и как?

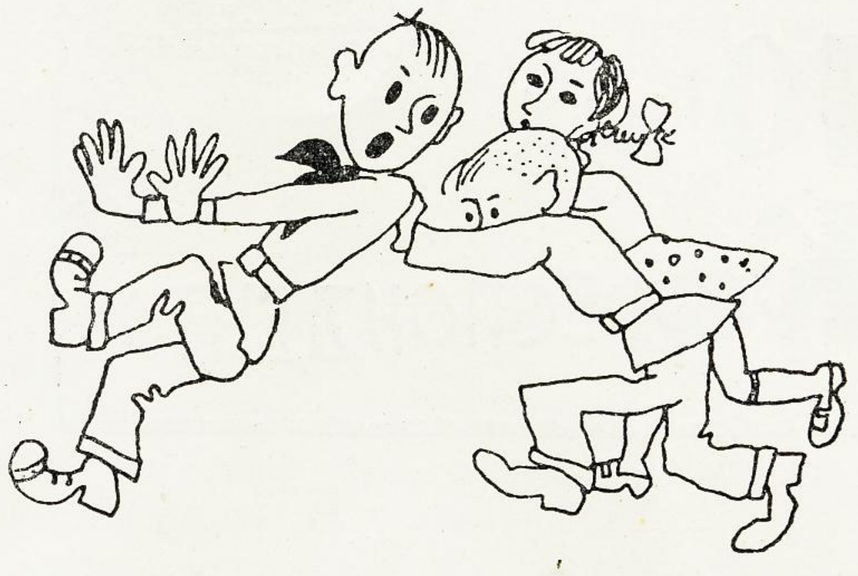
(Молчание. Потом голоса: — Хорошо! Теперь не зазнается!)

ВЕРА РЫБАКОВА: — Раньше у нас в классе тоже были две группы. Девочки ходили всё одни, шептались

и говорили всякие сплетни. А мальчики всегда обижали девочек. А сейчас только Артемьев ходит сам по себе...

ВИТЯ НЕМЕРОВСКИЙ: — Артемьев жадный очень. Я его один раз попросил: «Дай бритву». Он говорит: «Нет бритвы». А бритва, главное, лежит прямо на столе. Я говорю: «Так вот она». А он сразу же взял бритву и положил к себе в карман...

(Витин голос тонет в шуме)

ЮРА СНОВСКИЙ: — Наташа! Я думаю, что работа у вас не клеится потому, что вы не болеете душой за общее дело.

САША ГЕНДЕЛЬСОН: — Наше звено работает в книжном магазине, мы разбираем номерки книг, это очень помогает продавцам. Другие ребята работают в Публичной библиотеке. Несколько человек — на октябрятской фабрике. Они делают вместе с октябрятами куклы, разные игрушки, модели самолетов...

ЛЕНА ИГНАТЬЕВА: — В нашем звене не все хорошо. Саша Горлов умеет рисовать, а когда надо было выпускать «Вентилятор», он отказывался и убегал. Или уговариваешь его целый день, а он как будто одолжение делает. Хоть бы учился хорошо, а то...

САША ГОРЛОВ: — Здесь говорили, что я плохо учусь. Но я в последнее время стараюсь и перестал получать двойки. А сегодня повесили газету и нарисовали там меня с Шифриным и Косикьянцем. А под рисунком написано, что мы деремся. Мы раньше дрались, а там написано, что теперь. Надо высмеивать те недостатки, которые у человека есть, а не те, которые были...

СЕРЕЖА ТИХОНОВ: — Саша Горлов в прошлом году выпускал «Швабру», а в этом году сделал «Молнию». У вас просто нет подхода к человеку...

(Дребезжит звонок, хлопают крышки парт).

Я еще не кончил. Горлов — хороший товарищ. Я с ним дружу и знаю его больше. В этом году он почти не дерется. Если борется на переменке, так это не драка.

ЛЕНА ИГНАТЬЕВА: — Надо было раньше сказать, что у Саши есть свои хорошие стороны...

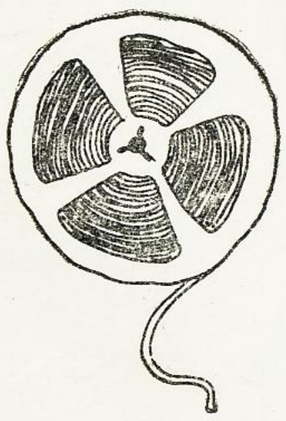
ГОЛОС: — А, может быть, вы слишком долго выпускали газету, и факты устарели? Было так?

(Продолжительное молчание. Тихо гудит мотор магнитофона. Наконец, голос Лены: — Да, было... Судя по интонации, смущена. Кто-то хихикает прямо в микрофон)

ГОЛОС: — Послушайте, а разве это Наташе интересно? Мы не про то говорим.

ГОЛОСА: — Про то! Нет, не про то!

ГОЛОС: — Подождите, подождите, мы тоже просим сло...

В эту минуту пленка кончилась, магнитофон выключили, и художникам М. Беломлинскому. и Г. Ковенчуку не удалось ничего сказать.

Но, как видите, они тоже приняли участие в обсуждении Наташиного письма.

А к нам пришел вчера вожатик Женька.
Он построил нашу звёздочку и сказал:
Скоро вас примут в пионеры. Ясно?
Берегите свои галстуки, как зеницу ока.
Женька стал объяснять, почему надо
беречь галстук. Тогда я поднял руку
и спросил: А почему у тебя галстук
пополам рваный?
Женька что-то проглотил и сказал:
Я дрался.
Потом он помолчал и снова сказал:
Я дрался за честь своего отряда.
И опять стал объяснять, как
нам беречь галстуки.

Октябренок Тим.

МЕНЯ ВЫБРАЛИ ВОЖАТОЙ ОКТЯБРЯТ, *а я не знаю, как работать с ними, что их интересует, в какие игры с ними играть, какие проводить беседы. Мне очень хочется, чтоб ребятам было весело, интересно.*

Люда Ординарцева.
Целинный край, Павлодарская область,
Ямышевский зерносовхоз

ОКТЯБРЯТА БЕРУТ С ТЕБЯ ПРИМЕР

Здравствуй, Люда! Октябрята во всем стараются подражать своим вожатым. Больше обращай внимания на свои поступки, на внешний вид. Не приходи просто так. Обязательно рассказывай ребятам что-нибудь новое, интересное. Больше играй с ними на улице. Только не забывай, что они быстро устают.

На сборе звездочки расскажи ребятам, почему их называют октябрятами, о правилах октябрят, о своей пионерской двухлетке. Подскажи, чем они могут помочь вашему отряду, почитай им книжку Кононова «Рассказы о Ленине».

Проведите конкурс на лучший рисунок, сделайте флажки, платья для кукол и подарите детскому саду. Поиграй с октябрятами в школу, больше интересуйся их учебой. Сама учись хорошенько, чтоб не стыдно было показать ребятам свои тетради и дневник.

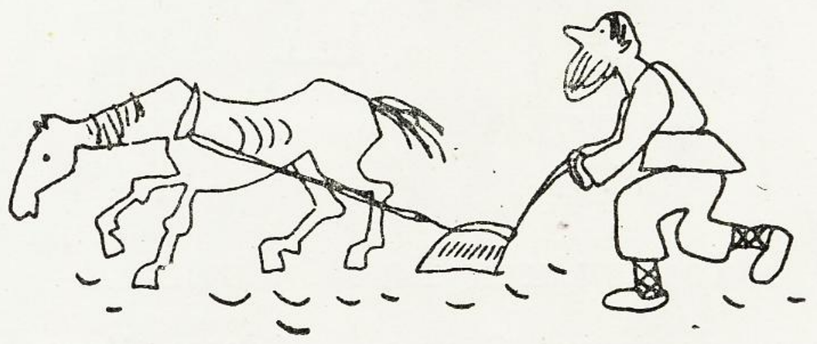
Желаю тебе успеха!

Старшая вожатая Нина Белякова.
Ленинград. 209 школа

„Дунька с трудоднями“ и „Ванька с зарплатой“

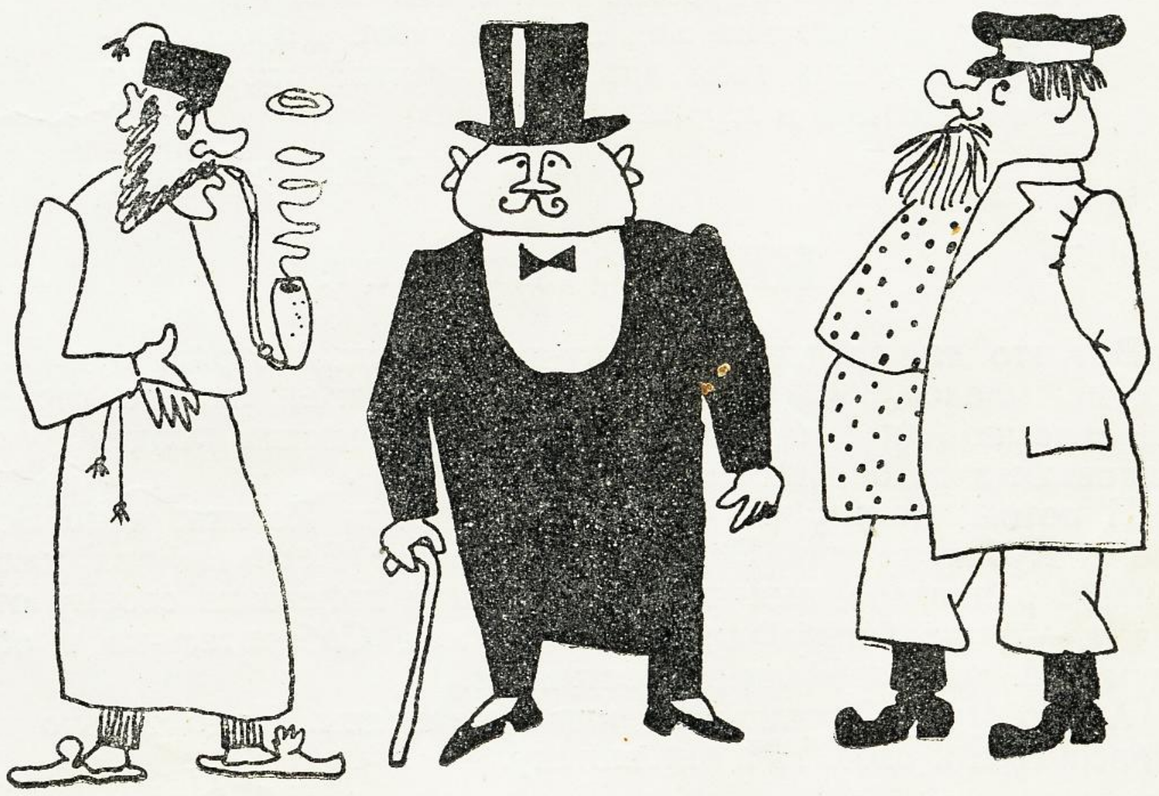
Дорогая редакция «Костра»! Можно, я задам вам небольшой вопрос? Вот почему у нас в школе девочки из 7-а обзывают девочек из нашего класса «Дунька с трудоднями»? Я не пойму, что тут плохого. Дуня — это имя, а трудодни зарабатывают в колхозах. Какой же тут смысл?

Оля Николаева.
Г. Жданов, школа № 31.

КЮК ОТВЕЧАЕТ:

В самом деле, почему никто не скажет: — Эх, ты, Ванька с зарплатой! А «Дунькой с трудоднями» дразнят. А все потому, что есть еще люди, которые по-барски относятся ко всем, кто живет и работает в деревне. Правда, это не мешает им с удовольствием уплетать совхозное мясо и масло, творог и сметану и печь пироги из колхозной муки. Вот этим-то неумным людям и подражают слепо девочки из 7-а. Им надо объяснить, Оля, что у «Дуньки с трудоднями» есть клички-родственники: «деревенщина», «быдло», «лапоть»... Когда они родились? До революции. Чьи это слова? Помещика, капиталиста, купца. Всех, кто не считал крестьянина человеком. А у нас все труженики равны, их надо уважать. Если уж дразнить, так бездельников.

КЮК

Художник или ученый?

Дорогая редакция! На каникулах я ездила в Ленинград и там видела картину из мозаики «Полтавская баталия». Мне сказали, что ее автор Михаил Васильевич Ломоносов. Но ведь он ученый, а не художник?

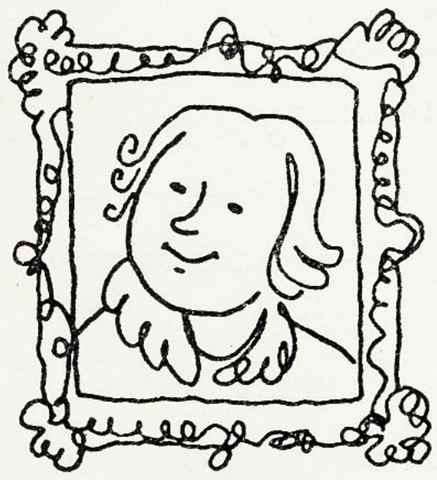
Маша Ивановская. Москва.

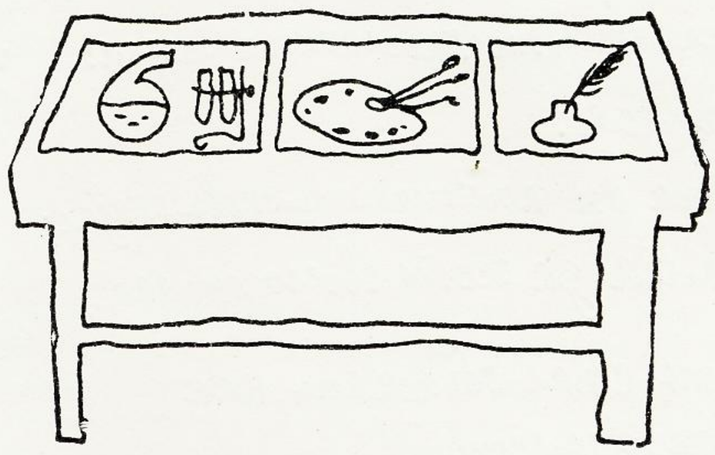
КЮК ОТВЕЧАЕТ:

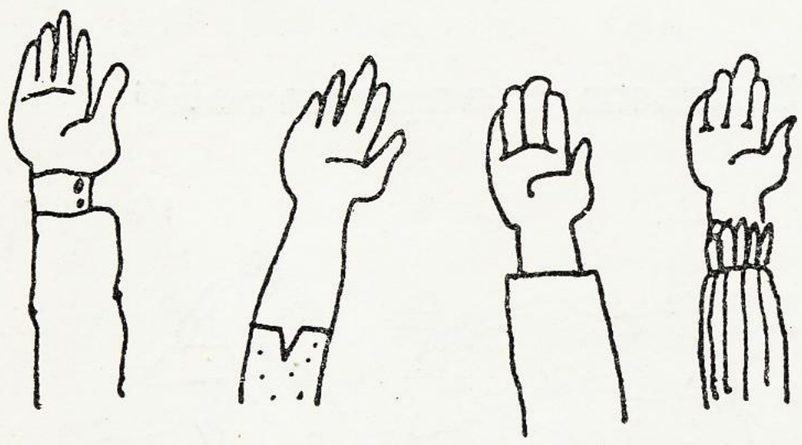
Нет, Маша, Ломоносов не только ученый. Он и художник. Ломоносов-ученый проделал в своей химической лаборатории более 4000 опытов, чтобы заново открыть утерянный секрет смальты — мозаики из непрозрачного цветного стекла. А Ломоносов-художник на Усть-Рудицкой фабрике близ Петербурга вместе со своими учениками набирал мозаичные картины. Там и создавалась в течение двух лет и семи месяцев грандиозная (30 кв. м.) картина «Полтавская баталия». Для ее набора была приготовлена огромная кованая медная «сковорода», заполненная клейким грунтом. Мастера вдавливали в грунт кубики смальты, тщательно пригоняя их друг к другу. Из темно-зеленых выкладывали мундиры русских солдат, из темно-синих — мундиры шведов, из лиловых и фиолетовых — небо. Более миллиона кубиков смальт пошло на эту картину. После окончания набора мозаику шлифовали и полировали, пока каждый кубик не начинал гореть и искриться.

Но ведь Ломоносов был не только ученым и художником. Он был еще и поэтом. Ведь это он написал:

Мозаики... хранят геройских
бодрость лиц
и ветхой древности грызенья
не боятся...

И захотели имя Вали Котика...

Дорогая редакция! Я живу в Одессе. Учусь в четвертом классе. У нас недавно был пионерский сбор. На сборе ребята выбирали имя пионера-героя. И захотели имя Вали Котика. Дорогая редакция, очень тебя прошу, напечатай биографию Вали Котика в журнале «Костер»

Люда Водинская

КЮК ОТВЕЧАЕТ:

Вот это да, ребята! Выходит так: каждый отряд, будь он самый плохой, может присвоить себе имя любого героя. А скромно ли это? Ведь имена знаменитых людей присваиваются за большие заслуги.

И потом: почему вы выбрали имя Вали Котика, а не Володи Дубинина или Павлика Морозова? Ведь вы так мало знаете о пионере, имя которого решили присвоить своему отряду, — даже биографии его не читали. Соберитесь-ка и обдумайте, правильно ли вы поступили.

А про Валю Котика уже книги написаны. Надо только не полениться и сходить в библиотеку.

Где Куба?

Ребята! Знает ли кто-нибудь из вас, что в СССР есть остров Куба? Отыщите его на карте и напишите, в каком море он находится.

Оксана Сизова. Севастополь.

ОТ РЕДАКЦИИ:

А заодно постарайтесь найти на территории нашей страны два населенных пункта, имеющих такое же название.

ОТВЕТЫ БОЦМАНА РУМПЕЛЯ

(Вопросы в «Костре» № 11, 1961 года)

1. Яхта находилась в Эгейском море.
2. У Даши была маска. Это облегчало ей наблюдение под водой.
3. Для съемок под водой годится любой фотоаппарат, но его надо защитить от воды специальным футляром.
4. Воды моря по-разному поглощают цветные лучи. Очень плохо распространяются красные, лучше всего зеленые и синие. По этой причине кровь на глубине кажется изумрудной.
5. На окраску морской поверхности влияют многие причины, даже состояние неба. Особенно же — мельчайшие, микроскопические живые организмы и водоросли, находящиеся в воде.

Черные ножки

Б. Сергуненков

Рисунок В. Звонцова

Жил-был человек. Он любил все деревья: сосны, березы, ели и осины. Маленькие, большие, стройные, горбатые.

Интересный был этот человек. Он мог сказать, сколько у сосны на ветках иголок, почему иглы колются, почему они вечно зелены и тянутся к солнцу. Он знал, как деревья пьют воду и добывают корм, о чем оживленно спорят на ветру и роняют утренние слезы.

Человек жил в лесу, в маленьком домике, а напротив окна росла сосна, которую он посадил сам очень давно. Ее звали Иголочка.

Каждый день человек выходил из дома и направлялся в лес. Он смотрел, нет ли где пожара, не слышен ли стук разбойничьего топора, не вымыло ли водой корни посаженных деревц. Когда он шел по лесу, сосны приветливо раскачивали своими ветками и терлись желтыми стволами о плечи человека.

Но однажды человек заболел. Он тяжело дышал и не выходил из дома. Никто, кроме сосен, не знал, что человек болен, потому что домик находился в глухом лесу.

Иголочка днем и ночью наблюдала в окошко домика за человеком. И, когда ему стало совсем плохо, Иголочка предложила соснам идти за врачом в город.

До города надо было идти много километров по болотам, по горам, по ровной степи. В городе были больницы, аптеки, врачи. Только там могли вылечить больного человека.

Сосны пошли ночью, и елки им сказали:

— Глупые сосны! Куда вы идете? Если старик встанет до восхода солнца и увидит, что вас нет в лесу, он умрет.

Иголочка ответила:

— Мы обязательно вернемся до восхода солнца.

— Не болтайте глупостей, — говорили елки. — До города очень далеко. Люди не пустят вас туда. Очень вы им нужны.

Но сосны настояли на своем. И, когда часы в домике пробили одиннадцать раз и стало совсем темно, так темно, что в окно нельзя было разглядеть даже Иголочку, сосны бесшумно снялись со своих мест и отправились в город.

В лесу остались одни елки.

Дорога была трудная, а сосны торопились. Два часа они проходили болото. Они вязли в грязи по самые ветки, помогали тонувшим, скрипели, но не жаловались. Они карабкались по горам, бежали по пыльной дороге, по ровной степи.

Все глядели на них удивленно и говорили:

— Куда вы? Куда вы?

И сосны торопливо отвечали:

— В город за врачом.

— Отдохните, — говорили им, — вы устали.

— Нам нужно скорей. Человек может умереть. До восхода солнца мы должны вернуться назад.

Было три часа ночи, а город не показывался. Стал медленно светлеть восток, а города не было видно. Звезды заблестели ярко, точно прощались с ночью, заволновался ветер. А сосны никак не могли добежать до города.

...Восток стал совсем светлым. Ранние тучки спросонья побежали нехотя. И, наконец, появилось солнце.

Когда оно взошло, больной человек проснулся и глянул в окно: зеленая Иголочка блестела каплями росы. Она была проворней всех и уже успела выкупаться в речке. Ножка у нее была чистая, желтая. Другие сосны тоже стояли на своих местах, но ноги у них были черные, в грязи до самых колен. Сосны не замечали грязи на своих ногах, они были довольны, что успели вернуться домой до восхода солнца.

Днем в лес приехала машина, и врачи увезли человека с собой. Человек удивлялся: откуда могли узнать люди о его болезни? Он подошел к Иголочке и потом к другим соснам и, прощаясь, плакал.

А ночью сосны опять ушли в город. Они опять долго спорили с елками, шлепали по болоту, бежали по полям, и опять им предлагали отдохнуть и спрашивали:

— Куда вы? Куда вы?

И они отвечали:

— В город. Человек без нас может умереть.

В спящем городе они заполнили все улицы, все переулки, все заброшенные дворы. Они кололи стены домов иголками, царапались о стекла окон — шли бесконечным потоком, а светофоры везде зажигали зеленый свет.

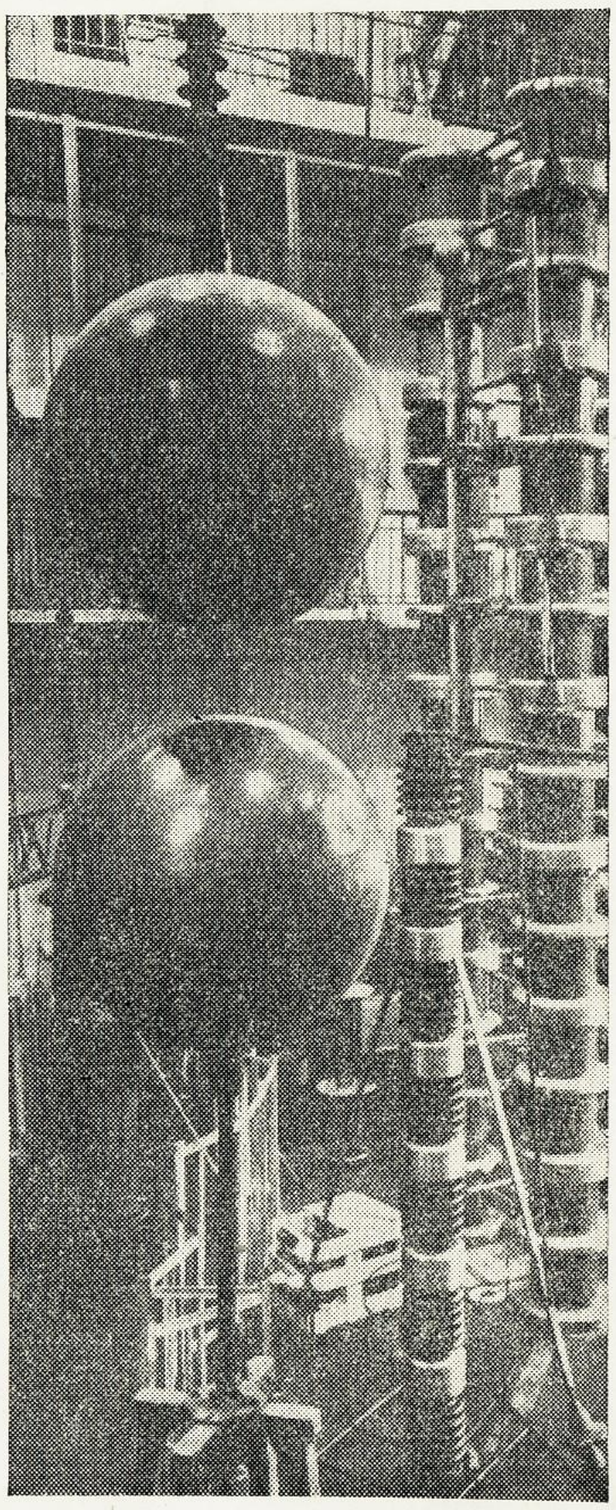
Вот и больница. Сосны на цыпочках прошли по коридору, открыли в палату дверь. Комната сразу наполнилась лесным шумом, а вместо лекарств запахло хвоей. Сосны наклонились над человеком и вполголоса рассказывали ему новости о том, какую песню вчера пел дрозд, сколько утят вывела утка на старом озере, сколько дождевых тучек пробежало за день. Те сосны, что стояли во дворе и на улицах, тоже хотели поговорить с человеком и подбодрить его. Они тянулись к окну и весело помахивали ветками. Человек говорил всем: спасибо. Ему казалось, что он поправился и снова в лесу.

Утром люди открывали форточки, выходили во двор делать зарядку, ехали в трамваях на заводы и фабрики и удивлялись: отчего в городе такой чудесный, чистый воздух?

Везде чувствовался запах леса: пахли стены зданий, заборы, ручки дверей, автобусы, ладони, волосы девушек. Лесной свежестью пахли театральные афиши, а в городском саду люди увидели несколько высоких зеленых сосен. Это самый ранний прохожий застал сосны в городе и уговорил их остаться.

С тех пор каждую ночь сосны оставляют лес и приходят в город. Никто не знает об этих ночных похождениях. И только черные ножки выдают их.

ЧТО?

Генератор молний.

Плюс электрификация

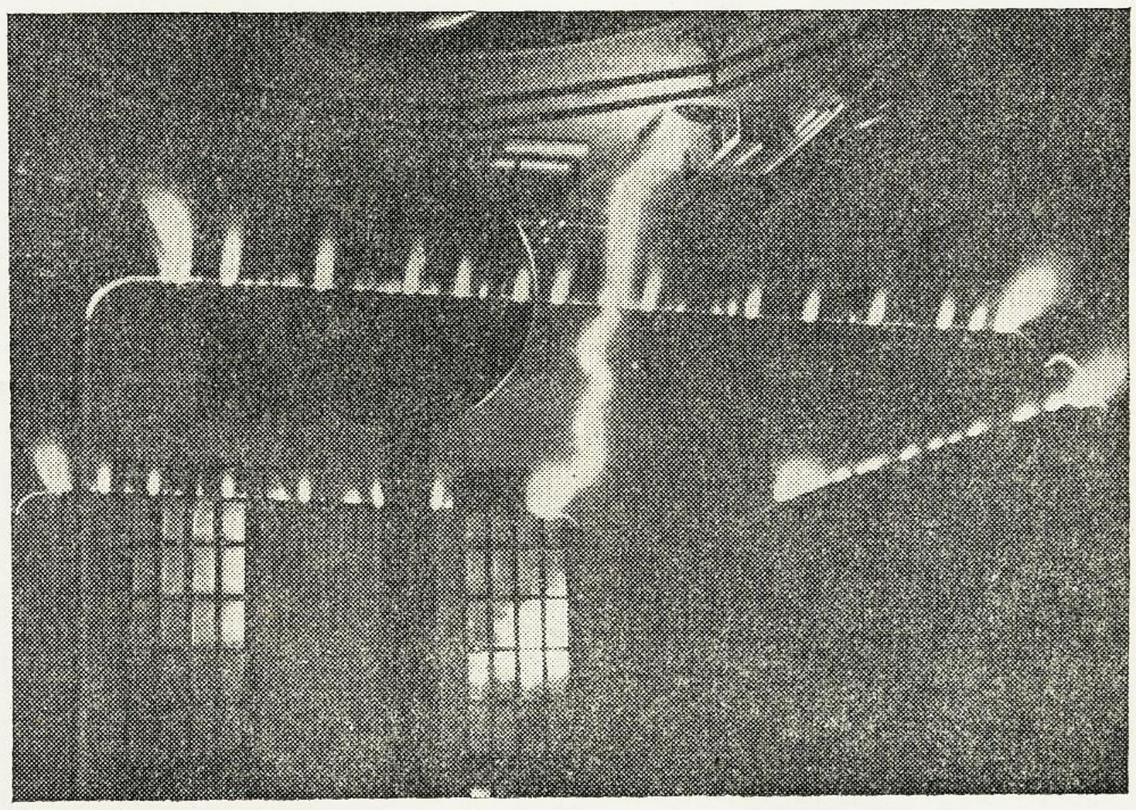
Вы знаете ленинскую формулу: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны»?

Ленинский план ГОЭЛРО выполнен, но борьба за сплошную электрификацию продолжается. Немалую роль в этой борьбе играют научные сотрудники лаборатории техники высоких напряжений при Ленинградском политехническом институте.

Рассказывает кандидат технических наук, доцент Политехнического института Николай Алексеевич Козырев

В нашей стране создается Единая Энергетическая Система — ЕЭС. Строятся новые электростанции, переоборудуются старые, и все они связываются воедино.

ГДЕ?

Миллионы факелообразных молний, так называемая корона. Она вызывает потери энергии и ухудшает радио- и телеприем.

С востока на запад нашей страны под высоким напряжением пойдет электрическая энергия. Чем выше напряжение, тем меньше потери электроэнергии, тем она дешевле.

Чем скорее будет создана ЕЭС, тем скорее получат дешевую энергию города и села.

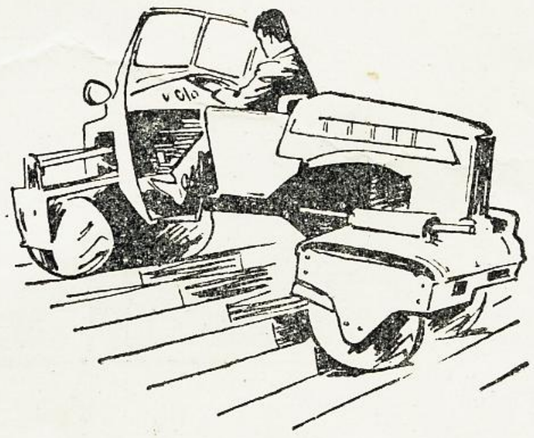
Что же делают ученые для ЕЭС?

Они разрабатывают новые изоляторы и изучают корону — свечение на проводах линии.

Для чего нужны огромные шары, которые вы видите на первой фотографии? Они служат для изменения напряжения молнии. Прежде чем разработать конструкцию новых изоляторов для линии высоких напряжений ЕЭС, надо быть уверенными в их надежности, как мы говорим, в «безаварийности». Легко, однако, сказать «быть уверенными». Ведь молнию — а это страшный враг изоляторов — не поймаешь во время грозы, не заставишь участвовать в испытаниях.

Однако ученые нашли выход. Они получают искусственную молнию. Для этого в лаборатории построен генератор искусственной молнии. Нажимая кнопку пульта управления, ученый получает молнию по заказу.

В 1980 году мы будем производить 2 700 — 3 000 миллиардов киловатт-часов. Наша страна в 1980 году будет вырабатывать электроэнергии примерно в полтора раза больше, чем в настоящее время производится во всех остальных странах мира вместе взятых.

Журнал, издаваемый в ГДР, сообщил о машине, которая может свободно... подниматься по лестнице любой крутизны. Камни, невысокие стены и поваленный лес не могут помешать передвигаться этой необыкновенной машине.

КОГДА?

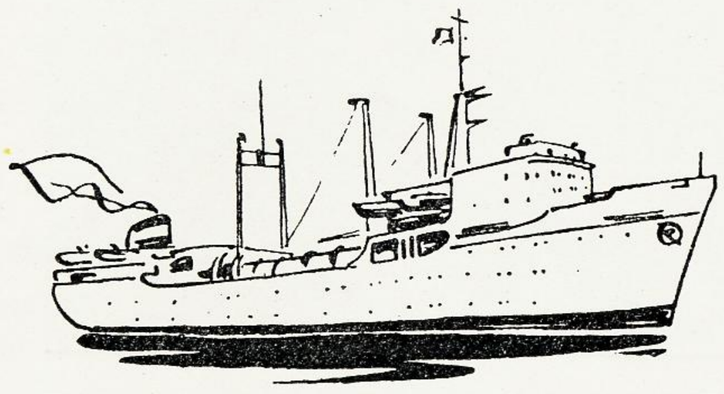
ПОЧЕМУ?

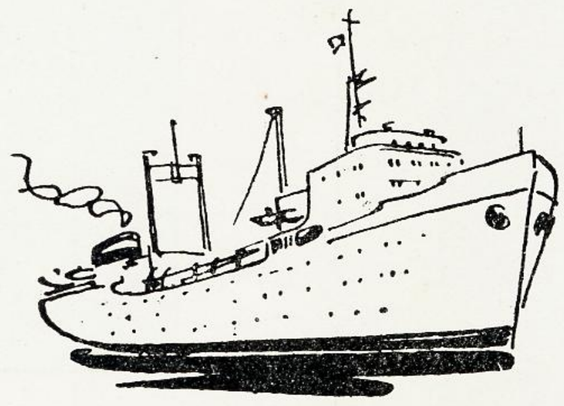
ЧТО?

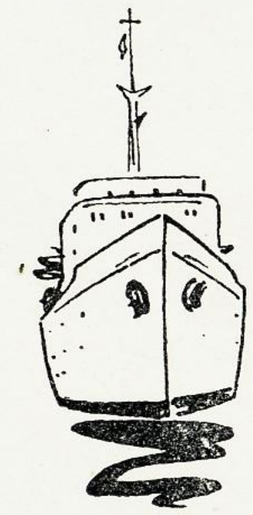
25 миллионов банок консервов в год выпускает завод-корабль «Андрей Захаров».

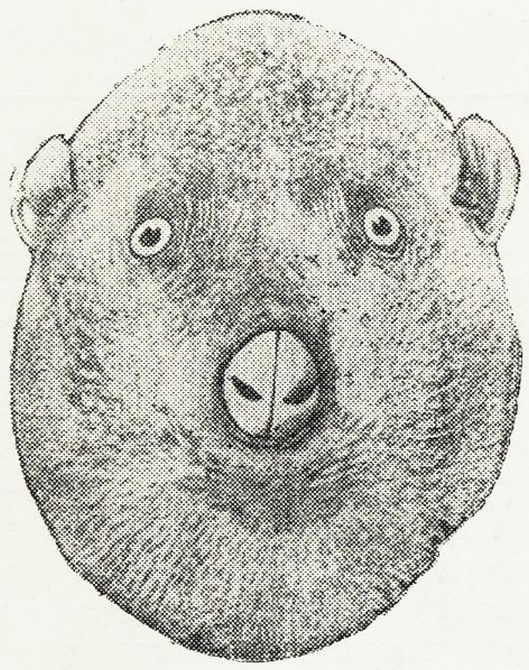
Если бы вытянуть в одну линию все транспортеры, по которым «плывет» готовая продукция завода, то линия протянулась бы от Ленинграда до Москвы.

Ушел в Тихий океан промышлять рыбу и второй корабль-гигант «Павел Чеботнягин». Достраивается «Евгений Никишин». Создание таких кораблей-заводов идет словно по конвейеру: к концу семилетки будет спущено на воду восемь плавучих заводов.

Рыба-шар

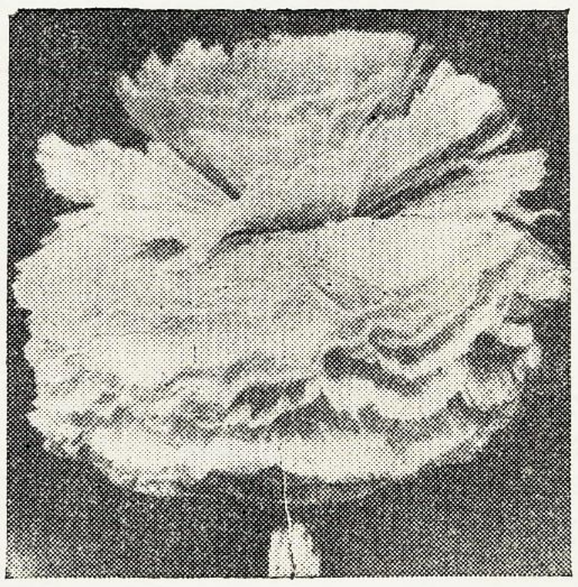
Вблизи коралловых рифов в Индийском океане эта рыба попадается чаще всего. Рыбаки ловят ее для забавы. Когда иглозуб почувствует опасность, он принимает форму шара. Ребятишки сушат шар на солнце, иголки отваливаются, и — мяч готов.

Никто, конечно, не может точно определить количество атомов в солнечной системе, но у себя дома, на Земле, ученые сумели вычислить, что человеческое тело содержит около 10 000 000 000 000 000 000 000 000 000, а вся планета — 6 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 атомов.

С далекого острова привезли в Ленинград этот снимок.

Веточки дерева, растущего на острове Ямайка, напоминают кружева. Они особенно красивы в цвету — ослепительно белые цветы — словно ландыши.

Жители острова умеют делать из деревянных кружев шали и шапочки, перчатки и платочки.

Тайны живой клетки

К фотографиям Б. Уткина на соседней странице

Пожалуй, ничто на земле не задает ученым столько загадок, не скрывает в себе столько тайн, как самая „обыкновенная“, крошечная, невидимая невооруженным глазом живая клетка.

Разгадать эти загадки — значит раскрыть тайны основных жизненных процессов, научиться управлять ими. Об этом мечтают сегодня биологи всего мира. Ради этого долгие часы проводят они в своих лабораториях, ради этого ставят не десятки, не сотни — тысячи опытов.

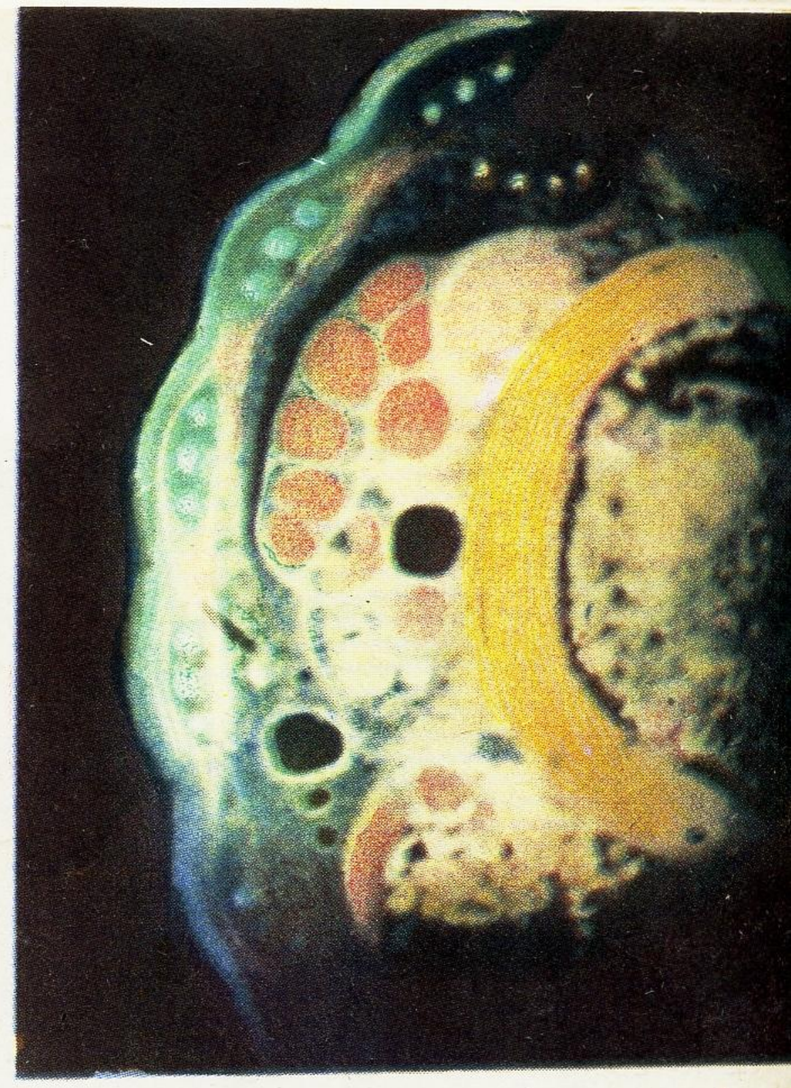
Далеко в прошлое ушли времена, когда единственным верным помощником биолога был обыкновенный микроскоп.

Какого цвета «до» «ре» «ми»?

КОГДА?

ПОЧЕМУ?

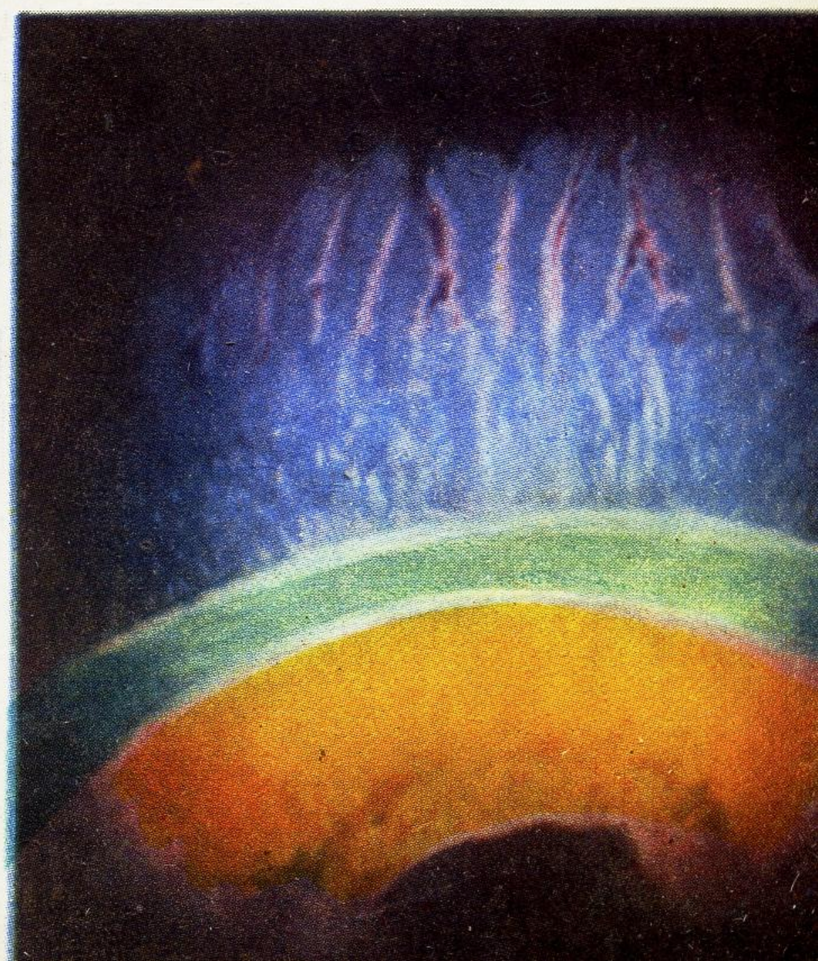

Могучие электронные микроскопы позволяют ученым увидеть ядро клетки увеличенным в сотни тысяч раз.

Есть в большой семье микроскопов еще один особый ультрафиолетовый микроскоп.

Невидимые ультрафиолетовые лучи заставили клетки „заговорить“ новым языком — языком цвета, языком красок. Посмотрите на эти красочные фотографии—видите, как по-разному светятся разные клетки. И вот что удивительно—меняется состояние клетки — меняется и свечение. Ученые уже знают, что „больные“ клетки светятся не так, как здоровые. Но это только начало, только самые первые шаги. Разгадать цветовые сигналы, которые посылает клетка, нелегко. Десятки новых „почему“ встают перед учеными. А это значит — впереди новые поиски, новые опыты, новая работа, упорная и увлекательная.

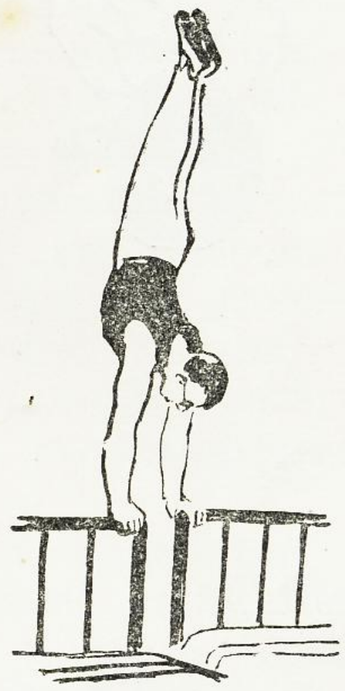
Хочу стать силачом

Рисунки Г. Пражсеина

Так написал в редакцию Толя Воробьев из Саратовской области.

Самый сильный человек на земле — заслуженный мастер спорта ЮРИЙ ВЛАСОВ. Он — чемпион и рекордсмен мира по тяжелой атлетике.

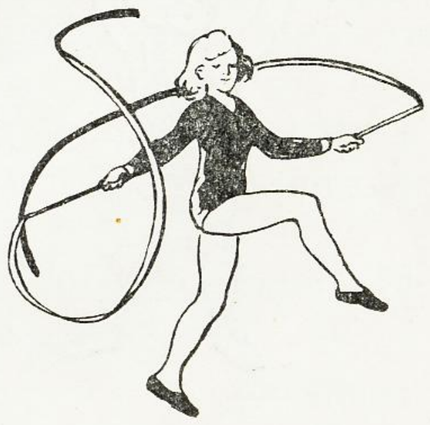
Корреспондент «Костра» Юрий Коршак пришел к ЮРИЮ ВЛАСОВУ и стал его расспрашивать.

— Как вы стали сильным?

— Когда я учился в Саратовском суворовском училище, мне попала в руки книжка знаменитого русского силача Гаккеншмидта. Я узнал, что есть на свете гантели — они словно те штанги, с которыми работают тяжелоатлеты, только гантели гораздо меньше, чем штанги. Я раздобыл гантели, начал упражняться на перекладине. Если спортивный зал был закрыт, я выжимался на спинках двух коек. Составил строгое расписание времени и твердо выполнял его. Другой раз и в кино не ходил, чтобы сделать все, что намечено по плану. Зато, когда подошли выпускные экзамены, я был самым сильным среди моих сверстников.

Потом поступил в военную академию. Познакомился с замечательным тренером Богдасаровым. В академии я всерьез занялся тяжелой атлетикой.

— С каких лет можно заниматься штангой?

— Советую заниматься штангой всем ребятам, но не раньше восемнадцати лет и обязательно под наблюдением тренера. А пока восемнадцать лет не исполнилось, не сидеть сложа руки, укреплять мышцы, готовить себя к сложным видам спорта. Отличный способ — занятия гимнастикой.

— Нужна ли сила девочкам?

— Девочкам не нужно заниматься штангой, но обязательно нужно быть закаленными, сильными, выносливыми. И здесь поможет гимнастика.

— Давно ли появилась тяжелая атлетика?

— Очень давно.

В Греции, во время археологических раскопок, ученые нашли массивный продолговатый камень с углублением посредине. Прочли надпись на этом камне и очень удивились. Написано: «Вывон поднял одной рукой». Взгромоздили камень на весы и удивились еще больше: сто сорок три килограмма! Вот каким силачом был древний грек Вывон.

— Много ли может поднять человек за один раз?

— Несколько десятков лет назад один англичанин оторвал от пола груз весом в тонну. Очевидно, сила у англичанина была. Но в современных соревнованиях тяжелоатлет кроме силы должен показать искусство. Недаром тяжелоатлетическое троеборье называется классическим. Судьи строго следят за тем, как штангист выполняет все три движения: жим, рывок и толчок.

Лучших абсолютных результатов обычно добиваются в толчке. Я толкнул двести восемь килограммов. Мой лучший результат в сумме троеборья — пятьсот семь с половиной килограммов.

— Кто самый сильный человек за рубежом?

— Пожалуй, американец Поль Андерсон — «подъемный кран». Он может, например, приседать с грузом в пятьсот килограммов. Да и сам весит почти сто семьдесят. Когда-то он был неплохим спортсменом, а сейчас перешел на увеселительные номера — благо, хорошо платят. За деньги он держит на плечах большую платформу, на которой сидит целый класс с учительницей. На смену классу приходит оркестр, и Андерсон, держа платформу с музыкантами, еще и сам играет на трубе.

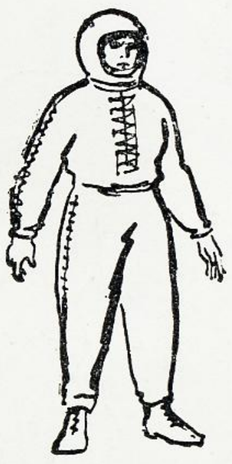
Все это очень далеко от спорта и очень вредно для здоровья. Вряд ли Андерсон сможет улучшить свои спортивные результаты, которые прежде казались неповторимыми.

— Можно ли уважать спортсмена, если он плохо учится?

— Я таких не уважаю. Кто не хочет быть образованным, знающим, тот не сможет стать хорошим спортсменом. А главное, не принесет пользы своей Родине.

— Нужна ли сила космонавту?

— Современная техника открыла человеку дорогу в космос. Но кроме техники нужно иметь высокие личные качества, быть физически развитым. Наши летчики-космонавты Юрий Гагарин и Герман Титов — разносторонние спортсмены и, конечно, сильные люди.

Юрий Власов передал привет читателям «Костра», а наш корреспондент поблагодарил его за беседу.

Начался новый год. Редакция попросила гроссмейстера Корчного и в этом году сотрудничать в «Костре». Гроссмейстер согласился. Но для первого раза не стал расставлять шахматные фигуры. Он рассказал вот что

Шахматная игра переживает новые времена.

Во-первых, шахматистов в мире — миллионы. Самое массовое шахматное движение — в Советском Союзе. У нас не может затеряться ни один шахматный талант.

Во-вторых, наша страна — главная шахматная держава. Недаром сильнейшие гроссмейстеры во всех странах старательно учат русский язык. Бельгийский гроссмейстер О'Келли начал учить русский язык уже не в первой молодости, но теперь с ним приятно поговорить по-русски.

Под редакцией
международного гроссмейстера
Виктора Корчного

В-третьих, шахматы все больше становятся спортом. С появлением шахматных часов борьба обострилась. В старину партия могла продолжаться и неделю, и месяц. Сейчас на сорок ходов дается два с половиной часа. Пять часов напряженной работы за доской! Незакаленным людям тут делать нечего.

В-четвертых, усилилась научная сторона шахмат. Играется много турниров, издаются журналы и книги. Мы все глубже изучаем игру. Чтобы побеждать других, надо очень много знать самому. Готовясь к матчу-реваншу с Талем, Ботвинник изучил шестьсот партий своего соперника!

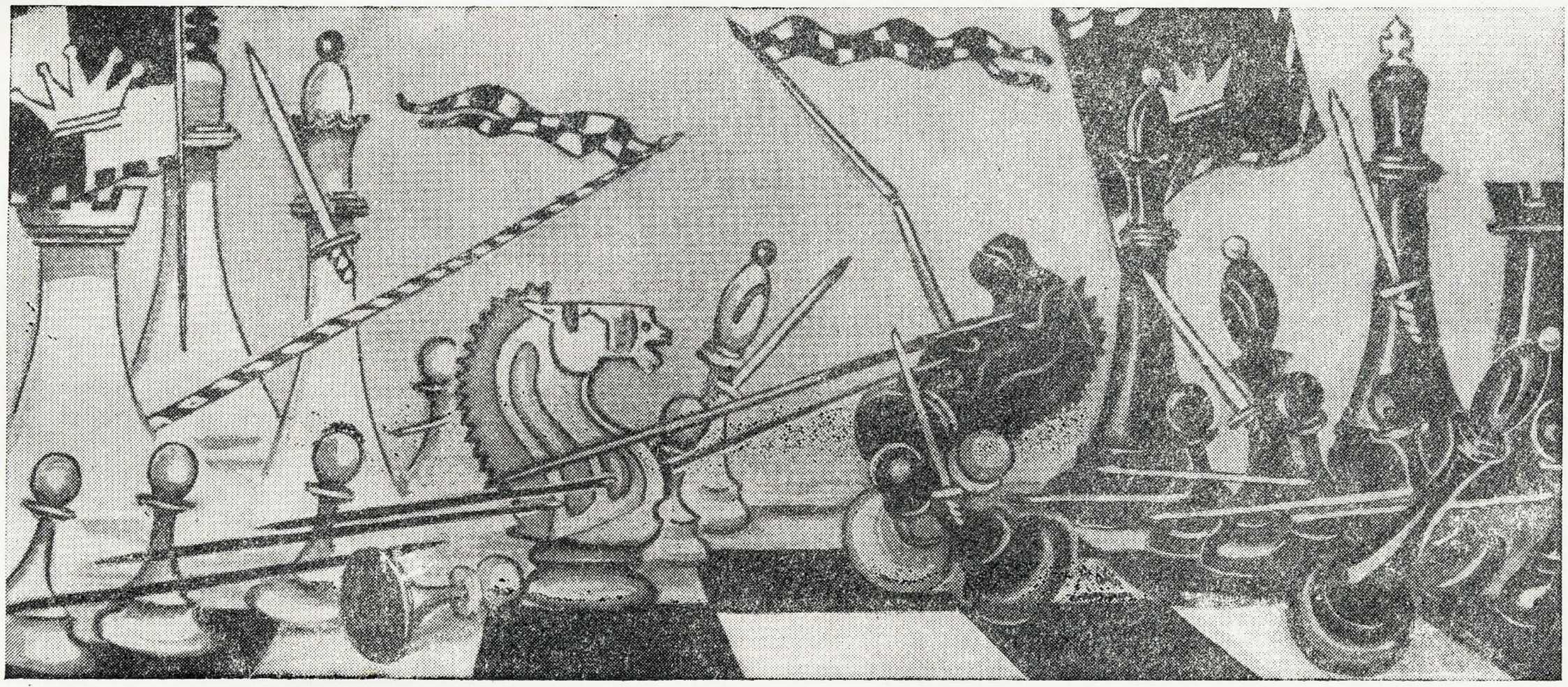
Предстоят жестокие шахматные битвы. Талантливые зарубежные шахматисты постараются отнять у нас мировое первенство. Вот некоторые имена: гроссмейстеры Фишер, Ломбарди (США), Бобоцев (Болгария), мастера Вайнштейн (США), Парма, Гермек (Югославия), Георгиу (Румыния). Все это очень молодые люди, но грозные противники.

Вместе с опытными шахматистами будут отстаивать наше первенство нынешние пятиклассники. За партами в советских школах, конечно, сидят многие знаменитые шахматисты будущего.

Пусть они помнят: нельзя нарушить славные традиции, отдать советское мировое первенство в шахматах.

В этом нет ничего непосильного. Нужно работать, работать, работать.

Рисунок Р. Попова

Из записок военного корреспондента

ТРУБКА КАПИТАНА ЖАНЕЛЯ

Борис Толчинский

Прилетев с фронта в Москву, я отправился в Сокольники, в госпиталь, чтобы передать письма и гостинцы раненому летчику Герою Советского Союза Александру Федорову.

— Пойдем, я тебя познакомлю с чудесным парнем, — сказал Александр. — Все наши ребята его полюбили. Орел!..

За прикрытой дверью палаты был слышен оживленный разговор, взрывы смеха и громкие возгласы.

— Что-то уж очень весело у него, — удивленно сказал я Федорову.

— А у него всегда народ!

...Через окно палаты был виден старинный парк. Слева у стены лежал на кровати черноволосый молодой человек с очень живым лицом. Он взглянул на нас внимательно и весело.

Совсем еще молодой розовощекий паренек нетерпеливо спрашивал:

— Петя! Ну, а потом?

— Потом?.. Потом было как в журналь. Я дал очередь... фашист горит и падает... лес... Я с виктори иду домой... Понял?..

— С каким Виктором? Откуда Виктор взялся?..

Петя от души захохотал.

— Так ты, Андре, ничего не понимал! Я с виктори — это по-французски значит — победа. Понимаешь? А потом уже было так... — и стал показывать руками, как он летел на свой аэродром, как неожиданно сверху свалился Фокке-Вульф и почти в упор длинной очередью поджег его машину.

Во всем мире летчики объясняются жестами, рассказывая о воздушных боях. Пьер Жанель, летчик эскадрильи «Нормандия» не был исключением.

Впрочем, он мог бы объяснить все и на словах — он сносно говорил по-русски, хотя учиться языку начал только что, в госпитале. Друзья называли его Петей, а он переделывал их имена на свой лад: Андрей Лозенко стал у него Андре, Иван Горбылев превратился в Жана, милая, заботливая медсестра Агафья Алексеевна звалась «сестрой Агатой».

Я часто бывал в госпитале и тоже подружился с «Петей».

* * *

Пьера лечил подполковник медицинской службы Аркадий Караванов. Он сделал то, что многим казалось невозможным. Жанель не только стал ходить, ему даже было обещано возвращение в строй. Но для того, чтобы отдохнуть, летчику предложили поехать на отдых в Египет.

Пьер разволновался:

— Ты понимаешь, я попаду в тыловой Каир! Буду сидеть в кафе, читать перевранные сводки с фронта, пока мои товарищи сражаются в русском небе с фашистами! Разве я для этого на лодке бежал из оккупированной Франции? Разве для этого меня лечил великий доктор? (Пьер считал Караванова самым великим хирургом, а кроме того он хотел сказать, что Караванов — очень высокий человек).

— Нет, ты скажи: я прав или не прав? Послушай, что я сказал генералу Пети: «Если вы, мой генерал, хотите, чтобы я выехал в Каир, я выполню ваш приказ, но позвольте мне обратиться к вам не как к генералу, а как к французу: вы мне поможете потом вернуться

обратно в строй? К моим советским друзьям, чтобы вместе с ними драться до победы?»

И добавил торжествующе:

— Знаешь что? Генерал Пети даже не рассердился, он мне сказал, что вернусь.

* * *

Вскоре, когда Жанелю уже разрешили понемногу гулять, мы медленно шли по заснеженным дорожкам парка. Посмотрев на меня, Пьер сказал:

— Тебя не удивляет, что я, сын генерала, аристократ, считаю для себя счастьем воевать против фашистов бок о бок с большевиками?

— Нет, — ответил я.

Пьер достал из кармана короткую английскую трубку и замшевый кисет. Делая ударение на первом слоге моего имени, он сказал:

— Бо́рис, пусть это будет трубка мира, трубка дружбы, помнишь, как у Фенимора Купера? Кури и помни: мы, французы, учимся у вас завоевывать мир на войне!..

* * *

Спустя несколько месяцев я пролетал через Тулу. Первое, что я увидел на аэродроме, были «Яки» с опознавательными знаками эскадрильи «Нормандия». Оказалось, что здесь наши французские боевые друзья готовились к новым сражениям, их переформировали из эскадрильи в полк.

И вот мы опять сидим с Пьером Жанелем. Он-таки вернулся из Каира.

Он с гордостью показывает свой, только что полученный орден Отечественной войны первой степени.

— Здорово, правда? Мне многие будут завидовать! Большая честь заслужить такую высокую награду!

Мы курили трубку по очереди. Пьер сказал:

— Сидим, как два индейца, только костра не хватает. Где же мы опять встретимся? В Москве? В Париже? А, может, в Берлине? Знаешь что, давай назначим свидание как в том фильме, который нам показывали в госпитале! (Речь шла о картине «В шесть часов вечера после войны»).

* * *

Встретиться нам не пришлось. Корпус, в котором я служил, перевели на другой участок фронта, а потом пришла победа, и летчики «Нормандии» возвратились к себе на родину на «Яках», подаренных советским правительством. А еще через несколько лет один из лучших пилотов «Нормандии» Франсуа де Жофр сказал мне, что Пьер погиб.

Прошлой осенью Советский Союз посетила группа летчиков — ветеранов эскадрильи «Нормандия». Приехали они и в Ленинград.

Мы сидели за столом, вспоминали войну, и говорили о мире, и показывали друг другу фотографии наших детей. Генерал Пьер Пуяд, бывший командир эскадрильи, сказал доктору Жоржу Лебединскому:

— В СССР у нас много друзей, мы у них многому научились в трудные годы войны.

— Да, мой генерал, — добавил сидевший со мной рядом старейший летчик «Нормандии» Пуликен,— мы у них учились завоевывать мир на войне, и еще кое-чему нам не мешает у них поучиться. Но многих не хватает сейчас за этим столом, а нашему другу, — он показал на меня, — особенно не хватает Жанеля.

Я достал из кармана трубку, набил ее и закурил. Пьер был с нами.

ОТ СЛОВА ДО ДЕЛА — СТО ПЕРЕГОНОВ

Коня на вожжах удержишь, а слово с языка не воротишь.

(*Русская пословица*)

Мой болтливый язык мне же дал пощечину.

(*Грузинская*)

Язык твой — лев: если удержишь его — защитит тебя, если выпустишь — растерзает.

(*Арабская*)

Не верь сказанному, а верь сделанному.

(*Монгольская*)

Собрал Г. Заславский

Шел Скукомор по дороге. Чтобы веселей было идти, он себя хлопал по животу, как по барабану: рам-та-та-там! Рам-та-та-там!

Присел у дороги отдохнуть и задумался.

— Нет, — думает. — Какой же я Скукомор, если у меня лошади нет? Пешком далеко не уйдешь.

Пошарил по карманам, ничего не нашел. Только две картошины да коробок спичек.

И сделал Скукомор лошадь. Картошина побольше — туловище. Картошина поменьше — голова. Ноги, шея и хвост — спичечные.

Обрадовался Скукомор:

— Ай да картошка! Выручила!

И только сказал «Картошка», лошадь вскочила на ноги и заржала.

— Ага! — сказал Скукомор. — Значит, тебя зовут Картошка. Ладно. Вперед, Картошка!

Вскочил верхом на Картошку и поскакал.

Ехал, ехал и задумался.

— Нет, — думает. — Какой я Скукомор? У меня никакого оружия нету. Хоть бы меч или копье. Или подушку. Подушкой тоже драться можно.

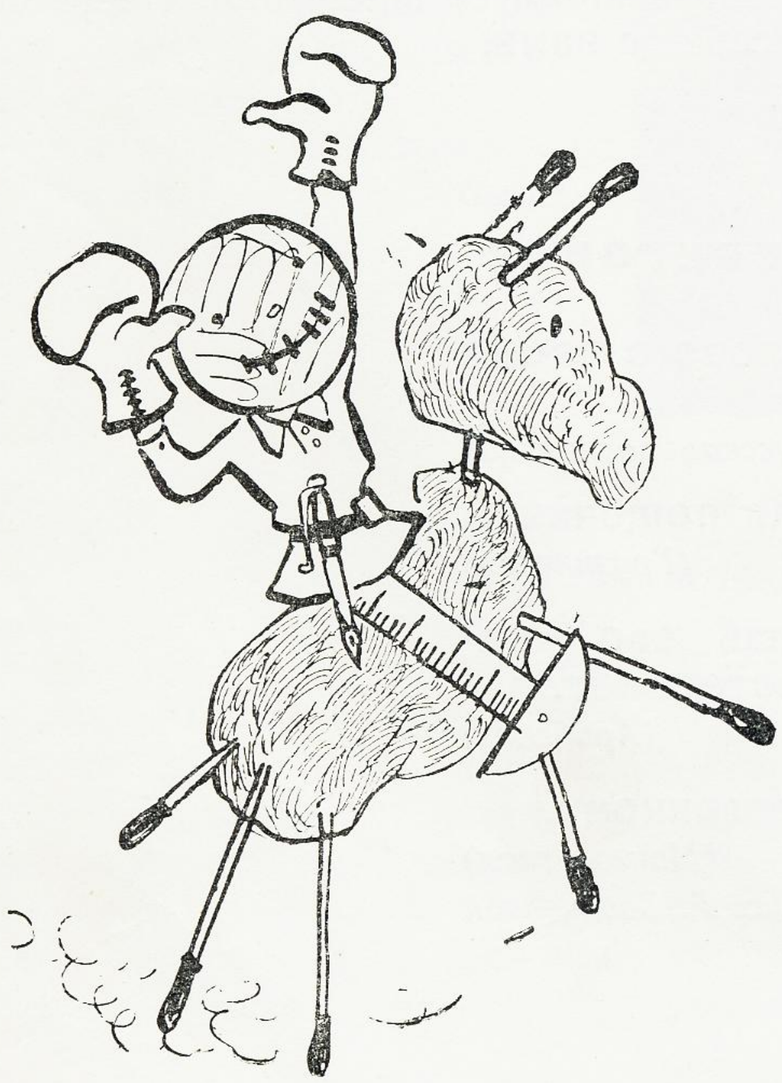
Только сказал — видит: на земле лежит Рогатка.

— Э-э-э, — вздохнул Скукомор, — это не по мне. Я в птиц не стреляю. Н-но, Картошка!

— Погоди, Скукомор, — скрипит Рогатка. — Я тебе еще пригожусь. Те рогатки, из которых в птиц стреляют, простые, вредные. А я волшебная, полезная. Из меня можно в Скуку стрелять. И еще мало ли во что!

— Хо-хо! — обрадовался Скукомор. — Прыгай сюда!

Рогатка поднатужилась и выстрелила сама себя прямо в руки Скукомору. Поскакал Скукомор дальше и запел песенку:

Скачу я по дорожке
На лошади Картошке.
Увижу неполадки —
Стреляю из рогатки.

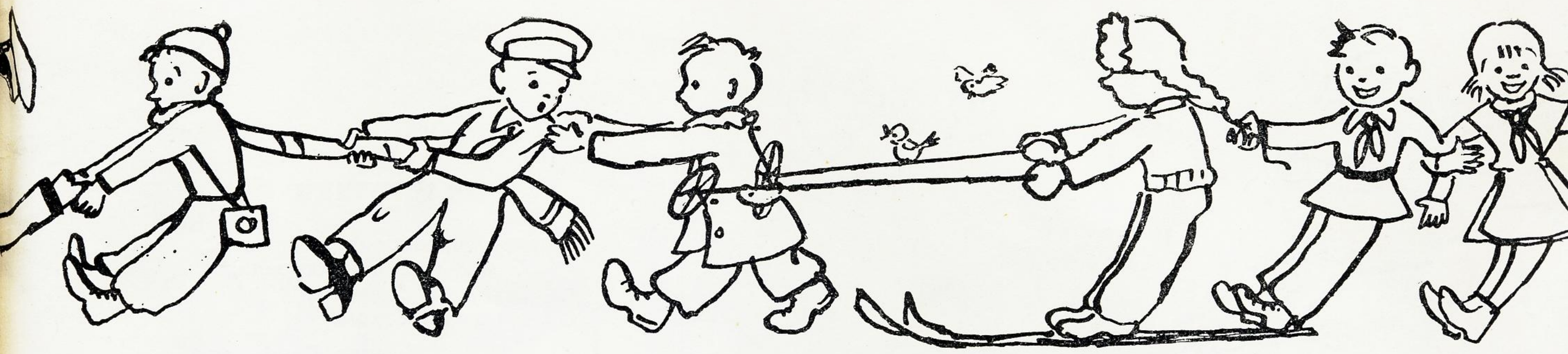
Выйди, скука,
На позор!
Ну-ка, ну-ка,
Скукомор!

Мальчишки и девчонки!
Нельзя стоять в сторонке!
У нас работы горы,
За дело, скукоморы!

Где ты, скука?
Гей, на спор!
Ну-ка, ну-ка,
Скукомор!

Когда нам интересно,
Тогда на сборе тесно.
А если сбор унылый,
То не затянешь силой.

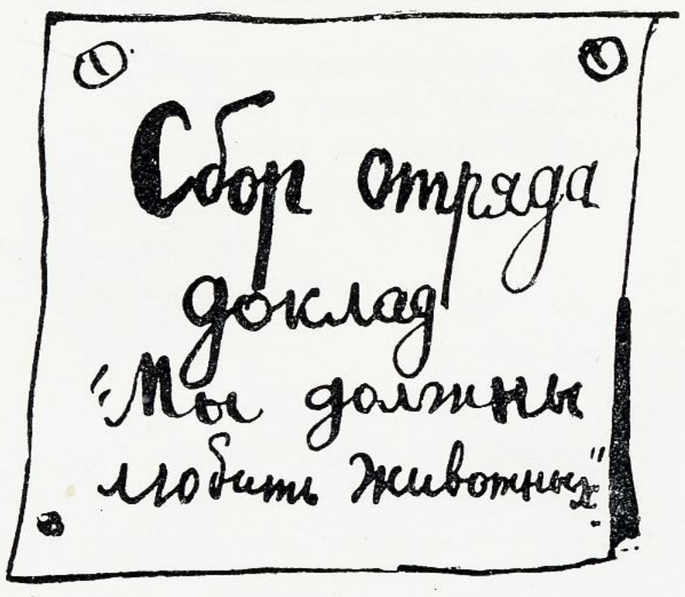
Ну и скука!
Вот так сбор!
Ну-ка, ну-ка,
Скукомор!

Скакал Скукомор галопом и наскакал на живой уголок.

Висит объявление:

Сидят ребята. Настоящее сонное царство. Заржала Картошка: Скуку почуяла.

Захохотал Скукомор. Значит, рассердился: когда Скукомор сердится, он с виду веселее веселого. Покатывается от ярости.

Прицелился из рогатки. Щелк!

Сразу один мальчик проснулся и говорит:

— Ой, что я придумал! Давайте все скучные доклады и ненужные альбомы — в макулатуру!

Еще страшнее захохотал Скукомор. Прицелился. Щелк!

Сразу одна девочка проснулась и говорит:

— Ой, что я придумала! Давайте из нашего живого уголка сделаем передвижной зоопарк. И будем ездить с ним по детским садам!

Сразу все проснулись. И сразу взялись за работу.

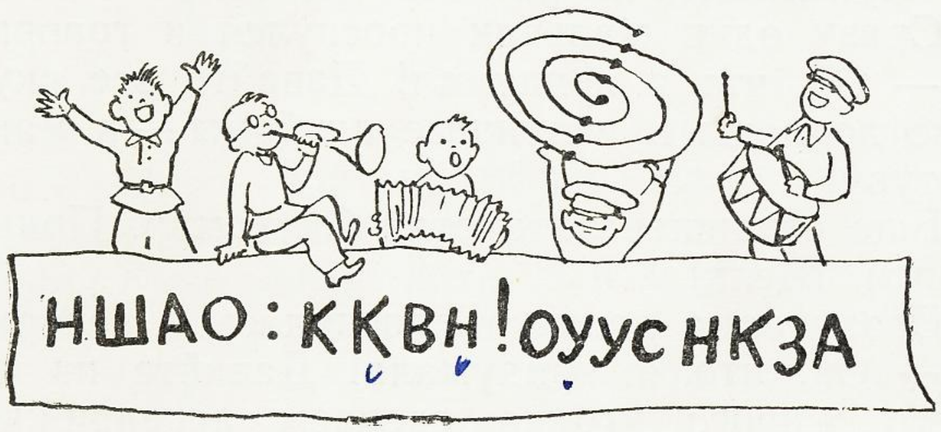
А СКУКОМОР ПРИШПОРИЛ КАРТОШКУ И ПОСКАКАЛ ДАЛЬШЕ. ЕМУ НЕКОГДА

Рисунки В. Голявкина

ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА

Почему эти ребята такие веселые? Потому что они уговорились, а о чем уговорились — нужно прочесть. Букв много, читайте.

ЧАСТУШКИ

Говорили, говорили,
Чтоб мальчишки не курили,
А Шурупов за углом
Подавился табаком.

Тамара Панфилова
г. Сучан Приморского края

На уроках наш Андрей
Запускает голубей,
А в дневник его, как птицы,
Залетают единицы.

Говорила мама Женьке:
«Занимайся хорошенько!»
Отвечает сын на это́:
«За пятерку дашь конфету?»

На контрольной шепчет Витя
Своему соседу Мите:
«Я задачу не решу,
У тебя потом спишу».

Рита Кириллова
Горьковская область

ФОТОЗАГАДКА КАДРИКА

Кадрику надоело загадывать загадки просто так. Теперь он хочет, чтобы ребята не просто догадались, что он снимал, а чтобы написали, хорошо это или плохо. А ну, кто пришлет самый интересный ответ? Можно в стихах, можно без стихов.

На обложке рисунок ***И. Харкевича***

На второй странице обложки
фото ***Г. Сафонова***

На третьей странице обложки
рисунок ***Ю. Данилова***

На четвертой странице обложки
рисунок ***М. Беломлинского***
и Г. Ковенчука

Редактор Г. М. Чернякова

Редакционная коллегия: ***В. М. Конашевич, Н. С. Косарева, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская*** (*ответственный секретарь*), ***В. В. Торопыгин*** (*заместитель редактора*), ***Л. В. Успенский, Н. А. Ходза.***

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор *Т. Дидковская*

Технический редактор
А. А. Дворяковская
Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76.

М-74110. Подписано к печати 19/XII 1961 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 8+2 вкл. 6,98 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 240 000 +20 000 экз. Заказ № 2946. Цена 25 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

ЗА СТО ШАГОВ

УЗНАВАЙ ВРАГОВ.

Спекулянт. Гнилой душок.

Вместо совести — мешок.

25 к.

С-Си 74

ПИОНЕРСКАЯ ДВУХЛЕТКА

ТАЙШЕТ-АБАКАН

НЕФТЕПРОВОД ДРУЖБЫ

ЛЕТО